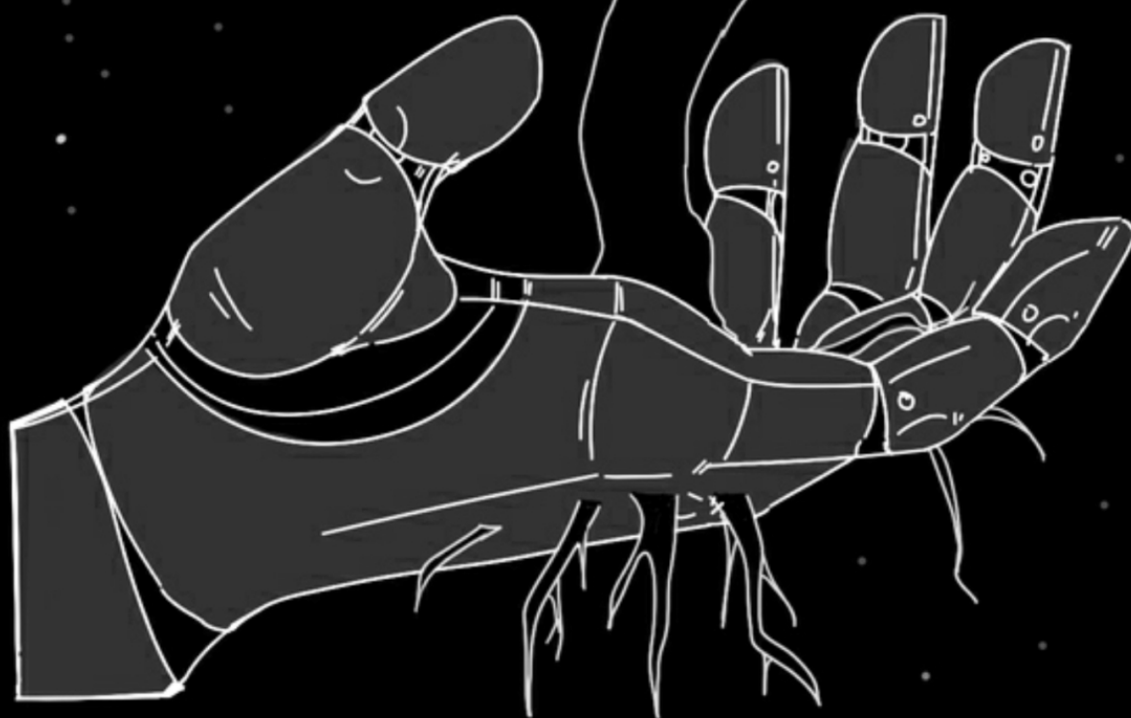

ДЕКОРАЦИИ

НИКИТА ЧИРКОВ

12+

Мы лучше

Никита Чирков

Декорации

«Автор»

2020

Чирков Н. В.

Декорации / Н. В. Чирков — «Автор», 2020 — (Мы лучше)

Весь Мегполис с воодушевлением следит за первым полетом космонавтов к базе «Новый горизонт» построенной на орбите Марса. Курируемый Центром Развития Технологий полет должен стать не просто существенным шагом в освоении космоса, но и объединить разрозненное общество. Неожиданно возникает непреодолимая проблема, поставившая под угрозу срыва полет «пилигримов». Даже Министерство обороны озадачено, ведь невидимый враг обладает немыслимыми возможностями, противостоять которым никто не в силах. Цепочка событий приводит Бенджамина Хилла к неутешительному выводу, что нынешняя кризисная ситуация самым неведомым образом связана с давно забытой тайной скрытой внутри ЦРТ.

© Чирков Н. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

День 1	5
Майя	5
Майя	9
Соломон	13
Агата	17
Майя	19
День 4	24
Итан	24
Ильза	28
Агата	33
Бенджамин	38
Итан	42
День 5	45
Ильза	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Никита Чирков

Декорации

День 1

Майя

Проснувшись, Майя не спешила расставаться с приятным сном, лишь приподнявшись с кровати и коснувшись ногами деревянного пола, какое-то время просто сидела. Склонив голову вперед, пробирала пальцами правой руки сквозь волосы, кончики которых касались лопаток. Все чаще после пробуждения, она мечтала о том, чтобы тот самый сон, каким-то неведомым образом, но оказался явью.

Небольшой одноэтажный дом, отстроенный специально для нее, был размером всего лишь пять на пять метров. Данное архитектурное решение являлось отголоском того времени, когда вся ее жизнь была заключена в работе среди глухих стен без окон, дабы игнорировать какие-либо внешние факторы.

Наконец, медленно, встав с кровати и натянув штаны, заставляя мышцы снова ощутить работу, Майя сделала разминку и направилась в ванную, занимавшую малую часть дома. В зеркале без особо труда были заметны редкие, но все же явственно седые волосы, немного обрамляющие лицо и глубокие морщины вокруг глаз. Несмотря на возраст – не так давно стукнуло уже сорок семь лет – она обладала стройной фигурой и не растеряла свои ровные, естественно красивые черты лица, которые толком не замечала, поскольку всегда смотрела лишь в собственные глаза, стараясь найти там не только силы, но и ответы на многие вопросы, которые она так часто задавала себе в одиночестве. После взяла с приставной тумбочки маленькую гарнитуру, и вставила ее в ухо, прикрытое распущенными волосами.

Открыв дверь, она сделала глубокий вдох, который наполнил свежим прохладным воздухом ее легкие. Солнце лишь изредка выглядывало из-за серых облаков. Майя накинула поверх футболки осеннюю куртку и, выйдя на крыльцо, ощутила прохладный ветер. Шагая по протоптанной тропинке, минуя несколько густых деревьев, ей уже слышались отдаленные голоса людей. Спустя несколько минут она попала на центральную дорогу, где ее тотчас поприветствовали люди. Махнув в ответ, не останавливаясь, она продолжала идти, наблюдая за происходящей вокруг жизнью: пение птиц, слегка подрагивающие на ветру ветви деревьев, а также представители ее научной группы.

Шагая вперед, к основному корпусу лагеря, Майя стремилась скорей попасть в свой кабинет, минуя любые отвлекающие события. Мимо спешащих на свои зоны работы десятков сотрудников, каждый из которых вербально или словесно приветствовал ее, причем многие делали это автоматически и машинально, отрабатывая статус и правила приличия. Подобное ее больше радовало, нежели оскорбляло, ведь ей не приходилось самой быть излишне любезной, когда этого не хочется.

Само здание вмещало в себя кабинеты руководящих должностей, склады и лаборатории с оборудованием. По-хорошему, каждый член персонала должен ночевать в пристроенных к этому центру комнатах, но со временем, убедившись в безопасности, многие расселились в бараках и домиках, близ главного здания. Разумеется, в пределах охраняемой территории и с особого разрешения. Хотя, возможно, они не хотели быть частью того, что в том или ином виде, было прародителем тех проблем, которые и привели сюда всех этих людей.

Не успела она дойти до кабинета, как ее помощница и по совместительству протеже, появилась из-за спины.

– Доброе утро, – бодро и уверенно произнесла молодая девушка. Кристина обладала тем редким умным взглядом, который всегда можно было разглядеть независимо от ее настроения, а исходящая от нее энергетика способна была заражать других.

– Здравствуй, Кристина. Какие сводки у нас сегодня? – Произнесла Майя, толком не взглянув на нее.

– Безопасность в порядке, никаких инцидентов. Связь снова барахлила, я уже распорядилась, все проверяют. По-хорошему, надо с ЦРТ связаться, а то это все чаще и чаще, – Кристина ждала некой реакции, но в ответ получила лишь кроткий кивок. – Ребята из строительной бригады уже выехали на проверку ограждения и взлетной полосы, дабы сегодня не было проблем. График выездов в Природные земли не изменился, правда некоторые все же считают, а, точнее, настаивают в необходимости брать оружие на отправку дальше чем два километра от лагеря.

– Это официальная жалоба?

– Почти. Я погасила в зачатке, на пальцах объяснив разницу, между защитой и провокацией.

– Молодец. В будущем сразу же указывай на наличие стены. Ее строили не только для нас, но и для них.

– Я все понимаю, буду стараться лучше.

– Ты молодец, не будь так строга к себе.

Майя зашла в свой скудно обставленный кабинет и сразу направилась к столу. Кристина последовала за ней и остановилась прямо перед начальницей, твердо стоя на своих ногах.

– К сегодняшнему прибытию все готово, мы освободили лишние помещения, подготавливаем лабораторию для оборудования. Все немного на нервах, так что, ждут вашей речи и официального объявления. И, разумеется, нельзя забывать об инструкции.

– Собрание ты и сама сможешь провести, главное сохранять уверенность, и помнить – у нас все под контролем.

– Это не входит в мои обязанности, вы здесь начальник, – она говорила почти как на равных, все-таки, общий язык был налажен давно, а церемониться – это не ее сильная сторона. Майя же, наконец, обратила на нее внимание, в чем, собственно и была цель Кристины.

– Считаешь, это так необходимо? Совершенно не важно кто...

– Вообще-то важно, – спокойно перебила ее Кристина, продолжив в своей манере, уверенно и слегка спеша, но все же, твердо донося мысль. – Вы не чужая здесь, это ваши люди, под вашим началом, а надвигающиеся перемены в работе лагеря, пусть и необходимы, но, что важно, требуют правильного подхода. Они пока не знают, что грядет. К тому же, нельзя допустить нарушения субординации, не говоря про слухи... Вы, как бы сказать точнее – слишком отстранились ото всех. Пора напомнить кто здесь главная. Авторитет-то, между прочим, надо поддерживать.

– Ты не зря получаешь свою зарплату, – удовлетворительный тон спровоцировал одобрение в глазах Кристины. – Ты права. Объяви собрание через два часа, в главном зале. И еще, свяжись с Соломоном, убедись, все ли идет по графику и нет ли проблем... любого характера, если что сообщай, – Кристина слегка кивнула, вкуче с удовлетворенной улыбкой. И только Кристина подошла к двери, как обернулась, чуть сменив тон на более интимный.

– Можно спросить, между нами? – не успел прозвучать ответ, она продолжила – Как вы себя чувствуете?

– Что ты имеешь ввиду? – Несколько сухо прозвучал вопрос от человека, отлично знающего подноготную этого любопытства.

– Я знаю, правда, на вас висит нелегкое бремя, все эти: причины и следствия – это понятно. Кто-то может и не согласиться, но мы обе это знаем, что вас здесь любят. Как минимум уважают, за то, что вы делали раньше и делаете сейчас, для всех этих людей и... – она задумалась, – я говорю все это, потому что надеюсь дать вам понять – не нужно закрываться. Все здесь – и мы, и они – пытаемся помочь людям жить дальше, иногда забывая, что мы тоже люди. И я это все к тому, что если вы захотите поговорить, или просто отвлечься, забыть про работу и побыть рядом с другом то вы знаете к кому обратиться.

Кристина сразу вышла за дверь, настроенная на работу, оставив начальницу наедине со своими мыслями.

Майя в очередной раз убедилась в правильности выбора своего протеже. Потенциал, что был виден невооруженным глазом, на самом деле проявлялся именно в такие моменты, ведь девушка обладала тем видением и способом взаимодействия с миром, которые напоминали ей ее в молодости, как раз в те годы, последствия которых она несет на своих плечах по сей день. Не обремененная характером двадцатипятилетняя девушка жила полной жизнью, игнорируя давление окружающих факторов, ведь она могла не просто дарить надежду, а странным образом излучать дисциплину и уверенность. В ее руках можно было смело оставить этот лагерь, о чем Майя думала все чаще с каждым новым днем.

Но уйти со своей должности, впервые в жизни оставить работу за плечами, она смогла бы лишь в том случае, если бы знала, что завтрашний день встретит не одна. И все чаще ей снится тот самый сон, навеянный прошлым и сотканный из лучших моментов, где заслуженная идиллия, делить которую она собиралась с любимым человеком, вот-вот стала бы реальностью... Но вновь, как и почти каждое утро, она возвращается из мечтаний в реальность, которую, по собственному мнению, заслужила.

Казалось бы, центр помощи Саламис дозированно выдает лекарства, разумеется, строго по распоряжению лечащего врача. Дает питание, которое не всегда получается добыть в природе, как и временный ночлег. Но почему-то, вопреки цифрам и статистике, она не чувствует результат. словно вместо излечения болезни, лишь наклеивается пластырь, причем не самого лучшего качества. Возможно, все это потому, что она помнит число тех, кто уже не способных вернуться к нормальной жизни. Сбой – так был назван тот момент, когда по неизвестным причинам все вышло из-под контроля. Память об этом рождает то ненависть, то страх, но одно неотвратимо преследует ее уже пять долгих лет, и это – вина.

Инициатива по имплантированию программного чипа, в те годы имела самые лучшие и благородные мотивы, оспорить которые пытались многие, но общественное мнение и здравый смысл победили, из-за чего имя Майи Мироновой, как и ее коллег: Итана Майерса и Бенджамина Хилла, было внесено в список величайших людей современной истории. Данный статус имел актуальность не долго.

Майя уже давно чувствовала и понимала, что вся ее работа превратилась в своего рода рутину. А логический финал она не видит, да и не может видеть, ведь изначально двигателем был, скорее, процесс, желание что-то делать, а не получить мнимый результат. Все больше ее страшило окончание её, так называемой, карьеры, но не из-за каких-то материальных или рабочих лишений, нет: истина крылась в безумном страхе встретить ненавистную пенсию в одиночестве, без человека, по которому она скучала каждый день.

– Сегодня вечером приезжает Соломон Напье, – Майя стояла в зале собраний, на одном уровне перед десятками людей и произносила речь, прервать которую не смел никто, – многие знаю его, как моего заместителя в ЦРТ. Вместе с ним приходит груз, там есть все необходимое для вас и людей вне наших стен. Все списки первой необходимости вы должны были отправить Кристине, если чего-то нет, придется ждать следующего раза. Скажу просто, мы – ученые, врачи, доктора наук и волонтеры, прибывшие из городов, ради гуманитарной помощи тем, кто выбрал иную жизнь. Мы здесь, потому что не знаем, как не быть здесь. Каждый из нас,

делает не работу, он делает вклад в нечто большее, не потому что нам сказали или мы должны, а потому, что мы хотим это делать. Я горжусь всеми вами, и тем, что мы построили здесь. Надеюсь, вы цените это не меньше моего и сделаете все, для сохранения и улучшения нашего вклада в жизни тех людей, что пока не могут существовать без внешней помощи. Спасибо вам всем, для меня честь, видеть каждого здесь.

Майя

Идея лагеря Саламис возникла у Майи не просто из-за чувства вины, по сей день съедающего ее изнутри, и никак не из-за желания успокоить совесть подношением тем, кто в далеком или не очень будущем, сможет встать на ее сторону, если она захочет вернуться в большую игру. Все было так просто, как это возможно: здесь она может помогать людям. Никакой политики, никакого бизнеса, никакого противостояния, – просто люди, просто жизнь.

Для Майи, Саламис – не просто работа: это единственное место, где она чувствует себя в безопасности... где она может спрятаться. Но не от кого-то конкретного, хоть, наверняка, есть те, кто все еще считает, что она в неоплатном долгу перед обществом. Бояться таких людей она перестала давно, да и не уверена, боялась ли, ведь она открыто признала свою вину с самого начала – это послужило для Майи большим уроком, ведь она поняла четко и ясно – люди сами создают себе правду...

В то время, когда случился Сбой, общество разваливалось, во всяком случае, близилось к этому, и ради сохранения того, что еще осталось, сначала был введен временный комендантский час, а после пошли поправки в законе о свободе слова. Сохранение порядка было в приоритете и осуществлялось всеми доступными способами. Первыми под раздачу попала пресса, ибо многие из независимых журналистов жаждали крови, подстрекая и до того травмированное общество к решительным мерам. В то же время недовольное население влияло на прессу, создавая замкнутый круг. Тогда, через год после Сбоя, вырвавшись из хаоса рабочей среды, вынуждающей искать причины возникшей поломки созданного чипа, который внедряясь в человеческий мозг и вступал с ним в симбиоз, Майя полностью сменила приоритеты.

Ее стратегия была проста: быть в глазах людей сильной и уверенной, преисполненной решимости не страдать самобичеванием, а стать этаким негласным лидером мнения, человеком действия, игнорируя собственное мироощущение.

Но подобный подход был не только ради жертв и из-за несогласия с политикой ЦРТ, желавшей срезать все углы, идя на любые уступки, даже не замечая, как теряется самое главное – независимость. Все это – защитный механизм, позволяющий ей не впасть в апатию и депрессию, не чувствовать боль и страдания из-за смерти родного отца, который, вперед очереди, был подвергнут чипированию из-за неожиданно резвившейся деменции... Она не успела заметить, как его не стало... несмотря на то, что была с ним рядом долгие недели, пока его пытались спасти лучшие врачи ЦРТ. Но его мозг не выдержал, и было принято решение, ставшее первым надломом для Майи – отключить отца от аппаратов жизнеобеспечения... ее родного отца, примера для подражания, того, на кого она ровнялась... ровняется до сих пор.

Было ли у нее чувство вины перед теми, кто так же терял своих родных и любимых, пока она, используя влияние, окружила отца лучшими специалистами? Нет, не было. Майя знала, что любой на ее месте поступил бы так же, да и все те люди, гневно жаждущие справедливости, занимались тем же самым, что и она – оплакивали любимых и родных.

Тогда и родилась идея Саламиса. К сожалению, она немного опоздала. Министерство обороны уже пустило руки в некогда независимый Центр Развития Технологий, от чего, реализовывать столь дорогой проект, уже не было возможно лишь с одного ее слова. Требовалось разрешение многих вышестоящих представителей власти, не всегда имевших общий с ней взгляд на вещи... особенно теперь, с уничтоженной репутацией и кровью на руках. А значит, для определенного давления, необходимо было заручиться поддержкой общественного мнения. Она готова была идти на все, ведь сдерживать ее было нечему, и даже Бенджамин, всегда поддерживающий и никогда не оставлявший ее одну, незаметно отстранился: как выяснилось почти сразу, это было обоюдно. На это еще повлияло и то, что тогда она выпала из жизни на пару лет с момента смерти отца, в которой она так же винила себя, как и ее родные старшие

братья, пусть и сдержанным тоном, но дав понять, кто отнял у них последнего родителя... мама умерла за два года до того.

На благотворительном собрании неизвестный ей представитель независимой прессы, рискуя оказаться под надзором власти, застал ее врасплох не вопросами, а ответами на них, ведь стоило прозвучать первому слову, Майя с ужасом увидела, как общество само создает правду, игнорируя все ее доводы и аргументы. Да, тысячи жертв, сотни искалеченных, нет большего повода для скорби... но для Майи, тот день стал откровением. Один человек, неожиданно вставший во главе толпы, дал Майе понять, четко и ясно, раз и навсегда, насколько общество иначе, совсем под другими, порой немыслимыми углами, может воспринимать события. Мнение, излагаемое за всех и каждого, в тот день, когда Майя решила открыто объявить об идее создать Саламис, послужило своего рода принятием людей такими, какие они есть. В каком-то смысле, как поняла она уже потом, это лишь подстегнуло ее, позволив быть человеком дела, не оглядываясь на чувства, совесть и одобрение общества – без лишних слов, уступок и компромиссов – будет так, и только так, как она хочет, ради людей и их будущего. Она знала, что не получит благодарность и уж точно не услышит извинений, и это, как оказалось, не было для нее проблемой, даже наоборот, она боялась прощения.

Работа закипела, ставки возросли, а вышестоящее руководство и многие другие, смотрящие со стороны на реакцию общества и непоколебимость Мироновой Майи, в чьих руках была и власть, и ресурсы, на удивление для нее и многих приближенных, не стали навязывать условия или ультиматумы. Все оказалось просто: Майя была той, на кого они могли свалить все претензии, направить каждую жалобу и закрыть глаза на последствия. Ибо ныне есть она, бескомпромиссно и, чуть ли, не боясь идти по головам, не боясь запачкать руки, взяла на себя роль спасителя. Словно сорвавшийся с цепи воин, Майя была непреклонна, и, в какой-то мере жестока, на пути к созданию лагеря, в котором одни – увидели подачку, другие – шанс исправить ошибки.

Но кое-что, неведомое никому, кроме нее и еще двух людей, мучило ее изнутри уже давно, причем, это скорее напоминало нежелание принимать болезненную действительность, нежели эфемерное предчувствие. На пути ее стремления занять определенный доверительный статус в обществе, коим она хоть и не грезила, но принимала с гордостью, Майя, действуя наперекор многим людям, все пряталась от мысли и чувства, неприятного любому: отстранение от близкого человека. Чем более Майя уходила в глубь Природных земель ставя Саламис выше самого ЦРТ, где она некогда занимала должность Директора по разработкам, тем меньше она контактировала и, не желая признаться себе окончательно, все менее ощущала связь с некогда самым близким для нее человеком. Произошло это слишком естественно.

– Мы тринадцать лет вместе... это долгий срок. И я не жалею ни о чем, ты это знаешь. Но мы храним секреты, нам приходится это делать, я так же, как и ты понимаю это. Я даже согласна с тем, что наша работа последние годы важнее чем мы с тобой, потому что мы такие, и это не последнее из-за чего я полюбила тебя.

Я знаю Итана дольше твоего, он всегда был идеалистом, с кучей нерешенных эмоциональных проблем, тянувшихся еще с детства. Для него работа – не просто цель в жизни, это и есть сама жизнь, и то, что произошло, попросту сломало его, мы оба это знаем, не смей отрицать очевидного, его уже все списали со счетов. И я могу понять, почему в нем произошли такие перемены, сдвинув приоритеты куда-то в другую сторону, совсем не в ту, которую мы приняли много лет назад. С ним я смирилась, а быть нянькой перестала уже довольно давно. Но вот с чем я не могу смириться, чего я попросту не понимаю, так это твоя поддержка его безумной идеи отдать контроль над...

– Не его идея... моя.

– Что?! Как твоя... почему, зачем?

– Это единственный способ выживания, Майя, как ты не понимаешь: сейчас важно остаться на плаву, пережить эту неудачу и продолжить то, что мы начали тринадцать лет назад. Итан вообще умудрился договориться с Министерством обороны, на передачу многих активов, с сохранением, между прочим, и нашего контроля тоже. Не знаю, как, но ему удалось, и я удивлен тому, как быстро он передумал в вопросе судьбы...

– Я не хочу ничего слышать об этом! – она испытывающее смотрела на него, преисполненная гневом от непонимания, рождаемого чувством предательства. – Для тебя что, все это лишь побочный эффект, вынужденные жертвы на пути к твоей мечте?! – Все четче она чувствовала ту грань, переходя которую, видит уже не любимого мужчину, а человека иных, неподдерживаемых ею взглядов. Она смотрела на все те же приятные черты лица, все ту же короткую стрижку и гладко выбритое лицо, но, словно говорил другой человек, – Твое молчание о многом говорит. Я хорошо тебя знаю, Бенджамин, правда хорошо, лучше, чем кто-либо в этом мире. И я не хочу верить в то, что для тебя все это – лишь простая неудача, а не доказательство того, что когда-то мы выбрали ошибочный путь. Работа с чипированием была перспективна, все это знали, но мы взяли на себя слишком много, и сейчас нам надо переосмыслить...

– Неужели ты думаешь, – устав терпеть, перебил он ее, – что я игнорирую ущерб, нанесенный нами, Майя, как ты можешь так думать?! Сейчас важно сделать все, чтобы в наших руках остался контроль и возможности, иначе мы ничего больше не сделаем, и никому не поможем. Я все делал для того, чтобы сохранить ЦРТ, сохранить нашу работу!

– Вот именно! Работу, проекты, гребанное ЦРТ для тебя важнее, чем тысячи людей, чьи жизни и судьбы мы втроем исковеркали, считая, что нам уготовано судьбой изменить мир, а на деле...

– Хватит так утрировать! Майя, сколько можно! Ты просишь меня сделать что? Забыть обо всем и начать помогать каждому пострадавшему? На это есть врачи, есть служба помощи пострадавшим, от того же ЦРТ, которое еще существует лишь благодаря мне! Ты хоть знаешь, что приходится делать, на какие уступки идти ради сохранения этого места и возможностей, которые оно еще сможет дать? Я практически на войне, вот-вот и никакого будущего не будет. Хватит уже быть такой эгоисткой!

– Это я эгоистка?! Да тебе плевать на все, лишь бы доказать всем, что лишь твой взгляд на мир единственно верный. Просто немыслимо слышать это от тебя!

– В этом наша разница, ты смотришь на все слишком узко, а я вижу все в перспективе, потому что знаю...

– Делай это без меня, – на удивление спокойно перебила она его, введя в ступор, – я не собираюсь закрыть глаза на то, какой ущерб мы нанесли, следуя вашей с Итаном мечте изменить мир. Я всегда с опаской смотрела на это, но я верила тебе, и это разочаровывает меня больше всего.

– Майя...

– Остановись, Бенджи, пожалуйста... я устала... я... я не хочу верить в то, что ты стал таким человеком. Я помню тебя другим. Когда-то ты принимал все как есть, и видел отчетливо, что правильно, а что нет, ведь ты лучший из нас троих, должен им быть, ни у кого нет таких знаний, какими обладаешь ты... и, похоже, в этом и проблема. Все пошло не по изначальному плану, и раз ты выбираешь такой путь, то... Я собираюсь взять полный контроль над Саламисом, работая прямо оттуда, это сейчас все что меня волнует, и никакие твои уговоры, никакие доводы не изменят моего решения, ты это прекрасно знаешь. Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь меня.

Он хотел что-то сказать, но она прервала его:

– Ничего не говори... Ты знаешь где я буду.

Этот разговор произошел два года назад, с того момента они так и не увиделись, а вся работа, подразумевающая контакт, происходила через ее заместителя, Соломона Напье. Сама

же Майя ушла с должности Директора по разработкам, взяв полный контроль над гуманитарной помощью.

Соломон

Минуя границы пригорода и оставляя позади за горизонтом все больше возведенных строений, воздушный транспорт уверенно приближался к территориям, чья ценность уже давно являлась предметом политических и общественных обсуждений. Результат которых куда чаще, определялся громкостью кричащих.

Пункт назначения – Природные земли. Тысячи людей осознанно живут в деревнях, пользуясь сельским хозяйством и полагаясь лишь на свои силы. Большую часть времени они пытаются вернуться к корням: работают руками, наслаждаются тем умиротворением, которое дает им отсутствие каких-либо современных технологий, позволяя единению с голосом природы, освободить разум и память от всего того, что мешает покою и естеству жизни. Еще до Сбоя, эти земли были заселены множеством семей и общин. У всех были свои причины: кто-то следовал корням, кто-то был против внедрения цифровых технологий в жизнь, где за всеми есть след, кто-то же хотел познать иную, более естественную жизнь, наедине с природой, где ручной труд, дарил шанс контроля над собственной жизнью практически в буквальном смысле.

Родившись с повреждением нервов, вынудивших врачей ампутировать ногу, но от инвалидной коляски его вполне успешно спасли современное протезирование. И это зачастую провоцировало в нем вопрос: не будь у него дефекта, стал бы он человеком, готовым на жертвы ради других? К тому же, отношение к нему самому зачастую было особенным, ведь люди видели неполноценность чаще, чем его самого. Он не хотел бы знать ответ, но иногда, очень редко, в трудные моменты, этот вопрос не давал ему покоя.

Огромный самолет плавно поддавался объятиям гравитации, опуская пассажиров и перевозимый груз в буквальном смысле «с небес на землю». Посадка прошла так, словно и не было никакого касания с землей. Двигатели закончили последний цикл вращения и возможность выбраться наружу, не заставила себя ждать. Спустившись, Соломон мельком взглянул на солнце, которое щедро освещало взлетную полосу, даруя всем и каждому тепло.

– Здравствуй, Соломон, – голос наставника и, по совместительству, друга вывел его из размышлений, и заставил искренне улыбнуться.

– Здравствуй, Майя, – они тепло обнялись. При довольно широких плечах, крепком телосложении и росте в метр девяноста, у него было по-настоящему доброе и приятное лицо.

– Добро пожаловать в Природные земли. Ты здесь впервые, взволнован?

– Да, очень. Тут так...

– Тихо? К этому привыкаешь. Особенно после десятилетий жизни в Мегополисе и работе в офисах ЦРТ, это место, говоря откровенно – дает новый глоток жизни.

– Приятно от вас это слышать, – она немного удивилась, и он продолжил. – Я имею ввиду, не поймите неправильно, но вы как будто счастливы, от вас прямо веет спокойствием и умиротворением, – она слегка улыбнулась, но не знала, что ответить на такое.

– Не будем тратить время, – разбавила она неловкую паузу. – Ты всего на несколько дней, пойдем, я все покажу, а ты расскажешь, какое бремя лежит на твоих плечах, пока занимаешь мою должность.

– Да, кстати, есть что рассказать. На сегодня намечена отправка космонавтов к Новому горизонту, все ЦРТ на ушах, Бенджамина только это и волнует последние месяцы, – Майя неоднозначно посмотрела на него. – Министерство обороны и ЦРТ прямо сейчас творит историю, а я здесь, чему на самом деле очень рад – космос может и подождать. Начальство усердно пытается угодить всем, хоть и кладет все карты в одни руки, лишь бы оправдать смену курса...

– Итан Майерс как-то участвует в этом? – резко спросила Майя, перебив собеседника. На самом деле, она хотела спросить о Бенджамине, но боялась затронуть старые чувства. К тому же, про него она и так знала все, в отличие от Итана, с которым потеряла связь около

трех лет назад... Порой, в момент сентиментального порыва, она вспоминает то время, когда они вдвоем просто работали в отделе робототехники, он – занимался программированием, она – руководила инженерным корпусом. На тот момент они уже давно дружили и мечтали о том, как смогут что-то изменить. И, скорее всего, так бы все и шло по накатанной, не появись в их жизни Бенджамин Хилл.

– Нет, что вы. Вернись он к работе, вы бы первая узнали. Да и сейчас было бы не до него. Бенджамин безостановочно пытается доказать пользу Центра Развития Технологий, вкладывая все силы в космическую программу, а, уж поверьте, хаос творится еще тот последнее время. Его упорству можно лишь позавидовать, работает за десятерых. Он молодец, и я думаю, что ему тяжело без вас...

– Слушай, – перебив, Майя остановилась и повернулась к нему, – Я знаю, ты хочешь, как лучше, и считаешь, что в наших руках изменить все и вся, но не лезь в эти вопросы, пока тебя не попросят. – Она старалась не быть грубой, но вышло все равно холодно.

– Простите, – начал он аккуратно, даже несколько наивно, – но я не хочу делать свою работу в пол силы, иначе не вижу смысла... Как и не хочу подвести вас.

– Я уехала и оставила свой пост, между прочим временно, на тебе, не потому, что мне стало плевать или я устала. Мне надоело закрывать глаза на ущерб, оправдывая его приемлемой жертвой ради, некоего мнимого будущего. То, чему я надеюсь научить тебя – это терпению, которого так не хватало тем людям, с которыми я работала ранее. – Майя чуть успокоилась. – Жизнь, она здесь и сейчас, прямо перед тобой. Многого не нужно, чтобы улучшить ее, помни это.

Подходя к основному зданию, она связалась по коммуникатору с Кристиной, чтобы та подошла к главному входу, встретить Соломона, пока она сходит в свой кабинет за его идентификатором. Соломон подошел к большой карте, где увидел всю территорию Природных земель, и, если бы не отмеченные небольшие деревни и лагеря, то пользы от нее он бы не получил и вовсе. Ведь огромная территория – не более, чем обычный лес, поля да озера. Хоть люди и предоставлены сами себе, но оставлять без присмотра происходящие события и скопления людей, ни Майя, ни кто-либо другой, не может позволить. Многие тропы и дороги определены белыми линиями, словно пронизывающие неровную почву корни. Весь транспорт и каждый сотрудник имеет обратную связь с лагерем, все его передвижения отмечены на карте в реальном времени.

– Если что, то мы – это зеленая зона, – Кристина подошла со спины, радуясь приезду Соломона.

– Здравствуй, Кристина, – улыбнулся он в ответ, и они обнялись, – ты не упускаешь шанса блеснуть знаниями или боишься, что заблужусь?

– Для тебя сделаю исключение и пропущу первое, – они были знакомы с первого дня ее работы, но хоть и виделись редко, это не мешало поддерживать контакт и узнать друг друга лучше, используя удаленную связь. Они стали очень близки, и, признаваясь себе, он жаждал с ней встречи.

– Я никому не расскажу. А то ведь, нельзя допустить чтобы твой статус пострадал, – подыгрывал он ей, не скрывая азарта.

– Вот именно, здорово что ты понимаешь.

– Ну, рассказывай, как вы тут?

– Хорошо, все действительно хорошо. Вот бы успеть подготовить людям жилье до наступления зимы. Не знаешь, у кого уточнить информацию об этом? – саркастично спросила она, не скрывая удовольствия от его компании.

– О, я понял, меня решили крайним сделать, да? – Чуть ли не со смехом парировал он.

– Ну, кто-то же должен, так что, будь горд и прими этот удар. – Она похлопала его по плечу.

– Ну, раз выхода нет, то, так и быть, приму, не могу же я оставить тебя крайней, – они улыбнулись друг другу, – а если серьезно, то успеем, должны успеть. Привезли многое из необходимого, уже завтра рабочие начнут все доделывать, это вопрос времени, тут нет повода для волнения.

– А где есть?

– Там, где вы освободили целый корпус для двадцати врачей, которых я привез с собой сегодня.

– Да брось ты. Все будет отлично, – подбадривающе сказала она, словно заботясь о нем. В такие моменты, находясь рядом с Кристиной, ему было необъяснимо легко и просто, словно он лишен механической ноги. Ни Майя, ни Кристина не общались с ним пренебрежительно, что он крайне ценил. И сейчас, одна лишь мысль, что ему придется уехать отсюда, была неприятна.

– Сегодня какие-то помехи со связью, поэтому план несколько не точен, – издали начала громко Майя, дабы не создать неудобств.

– Я связалась с технической службой, – неожиданно громко начала Кристина, одновременно чуть отойдя от Соломона. Оба испытали то самое чувство, когда их застучали за личным. – Сказали спутник барахлит, скоро другой перенаправят, в любом случае, все будет работать.

– Это может быть из-за космической программы, там у них все работают без выходных, – подтвердил спокойно Соломон, переглянувшись с Кристиной.

Майя посмотрела на Кристину, потом на Соломона, видя, как они, в неловком молчании, чуть наигранно ожидают дальнейших ее слов или действий, продолжила, – так, нам пора ехать, увидишь своими глазами второй лагерь.

Майя передала Соломону коммуникатор для связи и наручный идентификатор, через который шел сигнал не только о его местонахождении, но и общие медицинские показатели владельца.

– Заодно полюбуйтесь здешними красотами, а то все в офисе сидишь, мира и не видел, – саркастично добавила Кристина, слегка ухмыляясь.

– Ты ведь помнишь, что я старше тебя по должности, да?

– А я все думала, когда ты эту карту разыграешь.

– Работает?

– Слишком банально, так что, вы отправляйтесь, а я пойду обустраивать вновь прибывших, – Кристина развернулась и ушла в главное здание.

– А вы отлично ладите я вижу. – Подытожила Майя, смотря на Соломона с редким любопытством.

– Да, с ней интересно. – Ответил он неуверенно, глядя вслед Кристине, не сразу заметив взгляд начальницы.

– Ты ведь помнишь, что правила запрещают личные отношения между сотрудниками, пока они не задекларированы?

– Я... – он увидел хитрую улыбку Майи, но все же слова несколько смутили, – мы – просто хорошие друзья, – медленно произнес он, понимая, что сам не верит в эти слова, не говоря уже о Майе.

Два автомобиля выехали за пределы территории лагеря. Чем дальше от оплота цивилизации, тем более Майе хотелось не возвращаться вовсе. Просто примкнуть к некому поселению, заняв свое место в небольшой неформальной семье, а то и вовсе, поставить домик на берегу озера... Желательно того самого озера, к которому они много раз приезжали на выходные, ставили палатку и наслаждались тишиной и покоем... где они были вдвоем и больше не было ничего – ни ЦРТ, ни тягот будущего, ни чувства вины – лишь они двое...

Никто не стал бы мешать им исполнить эту задумку, скорее, даже наоборот, позволив ей пропасть с радаров, многие высокопоставленные и не очень люди выдохнули бы. Ибо никто,

так громко как Майя, более не станет мешать им «рубить с плеча», забыв о морали, ответственности и справедливости. Сейчас, как и многие месяцы спустя, она не может найти ответ на вопрос: почему все не может быть просто?

Выехав из густого леса, защищающего от прямых лучей солнца и безмятежного ветра, движение без остановки продолжилось по полю. По правой стороне было большое озеро, с противоположного конца которого, вдалеке стояло несколько палаток вокруг большого костра. Слева открывался вид на пастбище и прогуливающихся по нему дюжины коров, за которыми следил пастух. Взрослый, под два метра, мужчина с густой бородой и короткой неровной стрижкой, и рядом, по всей видимости, его сын – лет десять, худощав, черные волосы слегка касались плеч, он заинтересованно наблюдал за отцом. «Видимо где-то недалеко небольшая деревня» – думал Соломон. Открыв цифровую карту, Соломон стал искать данное место, но не смог, ведь авто определение местности не работало, понять где они, он сейчас не мог. Как и говорила ранее Кристина, сегодня неполадки с связью.

– Как много людей, – со скорбью произнес Соломон, – и все они жертвы Сбоя?

– В той или иной степени. Многие просто потеряли кого-то и, разочаровавшись во всем, лишь пытаются понять, как и зачем жить дальше. Ты ведь знаешь число пострадавших, чего тут удивляться.

– Одно дело число, другое – быть здесь и видеть их. Это и раньше было трагедией, а сейчас... надо было раньше приехать.

– А что бы изменилось?

Соломон испытывал граничащее с болью сочувствие, видя разных представителей Природных земель, в глазах которых он был больше врагом, нежели доброжелателем. Хотя, ведь именно он готов был первым помогать всем и каждому, жертвуя каждой минутой своего времени, лишь бы улучшить жизнь тех, кому повезло меньше чем ему, уж, не говоря о тех, кто пострадал из-за действий его наставницы и ее коллег. Так он и познакомился с Майей, когда, повзрослев, устроился работать в общественный центр помощи людям «Рука помощи», недалеко от центра города, в основном специализирующемся на малоимущих людях, предоставляя койку и пропитание. Когда случился Сбой, их центр попал в первые ряды помощи людям, куда довольно быстро приехала Майя, преисполненная непониманием и сочувствием, практически потерянная и разбитая. Она попросту забыла все статусы и должности, взявшись за самую простую работу, чуть ли не готовая мыть полы, дабы людям было чище. Соломон помог, как один из немногих, кто отнесся к ней без обвинений и осуждения. Почувствовав его доброту и заботу, она, как ему кажется, смогла удержаться на плаву.

Некоторые люди, увидев автомобили, останавливались и молча смотрели, не проявляя каких-либо эмоций, словно замирали, надеясь не привлечь внимания. Кто-то кричал им в след, но без проявления силы, – это игнорировалось по приказу Майи, прозвучавшего для всех и каждого, еще в первые дни проекта, а ее мало кто мог послушаться. Дорога занимала не так много времени, но, кажется, что они ехали втрое дольше, и все из-за того, где они ехали и кого видели.

Агата

Великие умы ЦРТ смогли создать криокапсулы, способные, в буквальном смысле, останавливать жизнь – тело замораживали и, с помощью сложнейшего оборудования, поддерживали необходимые биологические процессы помогающие исключить возможную смерть путешественника. Руководство задумалось – как долго еще откладывать первый тест на людях, ведь, помимо обычной биологии и физиологии, существует умственная деятельность. А то, насколько сильно этот способ влияет на работоспособность человека, уже и даст ответ рентабельности проекта. Чтобы излишне не расплыться бюджетом и рабочей силой, было решено, что криокапсулы, именуемые «саркофагами», легким движением руки поместить в специально созданный для этого отсек на Пилигриме, дабы космонавты не просто протоптали путь до станции Новый горизонт, а еще и довели груз.

Агату держали в курсе с момента зарождения задумки совмещения проектов, и трудно было понять, то ли она ненавидит, в какой-то степени нелепое, объединение, то ли наоборот – восхищается, ведь это тот самый шаг для человечества, стать частью которого – мечта. К счастью, стрессовые ситуации для нее – не более чем обычный день, да и она здесь не для критики вышестоящего начальства. Все-таки, она хоть и занимает крайне высокую позицию, но нет такого человека, которого нельзя уволить. А этого она боялась больше всего, пусть и скрывала свой страх. Но то не означало, что в бой за сохранение места идут все средства, нет. Как раз наоборот, Агата верила, достичь своей цели можно лишь честным трудом и исполнительностью. Так ее воспитали, так она и пытается руководить.

Сегодня она не спит, попросту не может, из-за груза собственной ответственности и, как следствие, поиска возможных проблем в поставленной задаче. В обычный день она как рыба в воде: нет того, что ей не решить, и того, что может вывести ее из колеи, но сегодня – последний день перед отправкой и, если вычесть всю степень важности происходящего, было кое-что еще, что ей знакомо, но слишком редко бывало в её жизни.

– Агата, мы готовы, ждем тебя, – прогремел голос в ее ухо, через гарнитуру.

Развернувшись, она оттолкнулась от большого иллюминатора, оставляя звезды за спиной, следуя инерции движения в невесомости Кесслера. Худое телосложение и небольшой рост, всего в метр шестьдесят, позволяли ей быть крайне проворной, не в последнюю очередь, благодаря привитой ее отцом в раннем детстве общей физической подготовке, ставшей неотъемлемой частью ее дня. Агата не была приверженцем моды и значимости внешней красоты, ее устраивала практичность. Короткие черные волосы, не достающие плеч при расчесывании, она собирала в пучок, открывая лицо. У нее была скромная красота: ровные щеки, тонкие губы и большие глаза, глядя в которые можно было увидеть ее ум.

Она быстро оказалась в большом зале без иллюминаторов. Встроенные в потолок лампы ныне были включены в шахматном порядке, испуская холодное свечение, соблюдая баланс между светом и мраком. Прямо посередине, в вертикальном положении, на закрепленных к потолку и полу тросах, держались «саркофаги», три метра в длину и один в ширину. Массивные и тяжелые, расположенные в два ряда по пять штук, они выглядели как огромные столбы. В крышку было встроено бронированное сверхпрочное стекло и сенсорная панель, на которую выводились показатели, дублированные на экран, встроенный в торец «саркофага». Но главное – внутри. Каждый человек, лежавший в этой, похожей на большой гроб, криокамере, был в состоянии заморозки. Окутанные специальным мешком, с надетой на лицо маской, скрывающей даже глаза, они ждали того дня, когда саркофаги доставят прямо на марсианскую орбитальную базу Новый горизонт, где их разморозят.

– Мы проверили все саркофаги четыре раза: ни одного отклонения, ни каких-либо сбоев или смещения показателей, – сразу объявила Мария, главный инженер и один из создателей

данной системы. Она не покидала Кесслер вот уже пять лет, с того момента, как оказалась здесь для первых тестов саркофагов.

– Нервничаешь? – спокойно спросила Агата, видя, как Мария чуть ли не зубами стучит, бросая взгляд с планшета на творение собственных рук и обратно. Рыжие волосы были закручены в клубок на голове, оголяя крайне молодое для тридцатилетней девушки лицо.

– Не то слово, – оторвавшись от бесконечных проверок, она взглянула на Агату, – я ведь уже спрашивала, как тебе удастся быть всегда такой спокойной?

– Много раз. Но сегодня не тот день, когда нам стоит отвлекаться на собственные чувства.

– На удивление, твой ответ даже несколько успокаивает. Есть с кем разделить страх неудачи, хотя положения у нас, конечно, разные в этом вопросе, – почти тараторила она от нервов, на некотором взводе.

– Что ты имеешь в виду?

– Эти люди доверились моей разработке, как и все те, кто сейчас наблюдает за стартом, кто верит и надеется, что это сработает. Я вот все думаю, чего боюсь больше – того что люди могут погибнуть в случае какой-либо поломки или, что моя работа поставит на мне, как и на тех, кто со мной работает, клеймо. И не подумай неправильно – люди важнее карьеры – просто, если что-то случится, я готова буду костями лечь, но лишь бы всё исправить, а списав меня со счетов...

– Соberись и верь цифрам, – Мария лишь кивнула, а Агата добавила, – поверь, если что-то случится с кем-либо из вас или с Пилигримом, первой отвечать буду я, а не вы.

Приглядывать за десятью жизнями будет группа из пяти человек, являющаяся основным экипажем корабля Пилигрим. Полет составит тридцать девять дней, благодаря минимальному расстоянию между планетами, из-за чего данная операция не имеет право перенестись на более поздний срок. Это была нелюбимая часть ее работы – думать о деньгах и выгоде «высоких людей», больше беспокоящихся о финансовых отчетах, нежели о вкладе в развитие собственного вида.

Вся подготовка и проверка оборудования проходила с особой точностью и ответственностью, ведь нельзя было допустить неудачу, но, как сама Агата понимала четко и ясно – будь всё это в ее руках, времени она выделила бы значительно больше. Она поднимала вопрос о чрезмерной спешке, указывая на слишком уж сжатые сроки, но в ответ получала лишь благодарность за беспокойство, что было просто вежливой версией отказа от дальнейших обсуждений. И это было ее небольшой проблемой, как считали многие работающие с ней: слишком буквальное следование субординации.

Последние сорок восемь часов, работали обе смены.

За отсчетом времени через камеры прямого эфира из Кесслера наблюдало население Мегалополиса, так же ожидавшее данного полета долгие годы, ведь популяризация как науки, так и космических программ, не сбавляла обороты ни на день.

Запуск, двигатели включились, ознаменовав это событие сильной вибрацией для команды челнока – мгновение – и Агата уже смотрит, как объект с людьми устремляется вдаль, к другой планете. Все показатели, датчики и словесный отчет подтверждает благополучный старт и полет. Овации заполонили мостик. Агата парила в невесомости почти вплотную к стеклу, сквозь который, не моргая, смотрела на удаляющийся корабль. Долгая работа, которой, казалось, нет конца, была частью ее жизни, и вот – труды дали результаты. Но, вопреки собственным приоритетам и порой строжайшей дисциплине, ей было, впрочем, как и всем, страшно... но не за возможную неудачу, хоть и отрицать это было бы ложью, ведь провал был для нее недопустим. Безуспешно она убеждала себя, что это из-за ответственности за жизни людей, где страх чьей-либо смерти или какого-либо ущерба здоровью может сказаться на успешности выполнении задания. Истина же, сокрытая ото всех, была в том, что для нее, в реальности, важна была жизнь лишь одного из них.

Майя

Место прибытия было видно издалека. Последний месяц вертолеты доставляли уже собранные дома. Высотой в два этажа, общим размером в шесть на шесть метров, внутри которых было четыре комнаты с обогревом и полным набором для жилья. Крыша под небольшим склоном, окна со всех сторон, двери с замками. Кухня стояла отдельным зданием, неподалеку от этих скромных жилищ. Вокруг ходили люди – в основном это были сотрудники Саламиса. Кто-то делал замеры, кто-то занимался отделкой, доводя строения до полной готовности. Были так же и люди с Природных земель – в потрепанной, старой одежде, иногда с лошадьми, иногда целыми семьями, сновали туда-сюда и озирались по сторонам, интересуясь у сотрудников об этом месте. Ещё бы установить ограждения, усовершенствовать дороги и улучшить охрану – почти будет напоминать пригороды. Но Майя хотела сохранить максимальную схожесть с естеством Природных земель, как минимум, на первое время, необходимое для усвоения.

Колоссальные траты ушли на подготовку встретить зимнее время, дабы люди могли пережить холода. Разумеется, никто не будет никого выгонять в более теплое время года, но именно через приближающуюся зиму было решено дать людям возможность жить более цивилизованно, как решило вышестоящее начальство. Майя не особо была довольна таким подходом, но, как ни посмотри, такой вариант был не самым худшим, да и вступать в распри ей хотелось меньше всего. Такой безвозмездный шаг кажется проявлением лучших качеств тех, кто прячется за подписями и чековыми книжками – многие так считают.

Они вышли из транспорта, спустя несколько шагов Майю окликнул водитель, уточняя через сколько за ними приехать, на что последовал мгновенный ответ: «Я свяжусь с вами сама». Они уехали, Соломон проводил их взглядом и тут же получил ответ от Майи на свой удивленный взгляд: «Не беспокойся, они не далеко, а люди здесь мирные».

Ответ его явно не удовлетворил и не успел он что-либо возразить, как заметил, что отстал от начальницы, смело шагающей в сторону домов.

– Приятно видеть и понимать, что это – начало чего-то действительно большого и важного. Воодушевляет... – Соломон взглянул на Майю и, увидев её озадаченное лицо, дополнил, – вы так не считаете?

– Вот честно, не понимаю, откуда у тебя столько оптимизма. Возможно, это возраст, хотя будем надеяться, что нет, – закончила она со скромной улыбкой.

– Я просто стараюсь верить в то, что мы учимся на ошибках, ведь не случись Сбой, то мы бы не сделали так много, дабы мир стал лучше.

– Избавь меня от банальностей, пожалуйста. Поверь, я всё прекрасно понимаю – как устроен и мир, и жизнь. А все эти моральные наставления, что лишь используют теорию относительности и изменения точки отсчета, уже давно не для меня, – она промедлила, – важно помнить, мы пытались не мир сделать лучше, мы пытались сделать лучше людей.

– Вы правы, простите, если надоедаю. Лучше вот о чем спрошу: это, несомненно, может поставить под удар все наши труды... не знаю, стоит ли обсуждать это сейчас, но... – Соломон оглянулся, убедившись, что никого нет рядом, – кто-нибудь здесь, кроме нас с вами, знает, зачем прилетели еще люди с дополнительным оборудованием, которым так и не объяснили конечную цель их работы?

– Только Кристина. Пока так оно и будет, – смотря в глаза Соломону, произнесла Майя несколько напряженно, – вот уж чего-чего, а панику нам поднимать не стоит, уж точно не сейчас. В ближайший месяц надо всё достроить и подготовить к заселениям. За это время мы успеем обустроить лабораторию и наладить процесс работы с жителями – сбор анализов и составление анамнезов. Кстати, это хороший предлог, чтоб тебе остаться здесь подольше.

– Слишком много предложений набирается в пользу этого решения.

Майя посмотрела на Соломона. Оба прочли в глазах друг друга понимание того, насколько главная причина, может обернуться еще большей трагедией, чем Сбой.

– Здравствуйте! – Позади неожиданно раздался голос. К ним, опираясь на палочку, направлялся старик, закутавшийся в старое пальто, давно выдавшее стирку. Сам же старик, был худощав, что заметно по впалым щекам, а редкие волосы на голове лишь подчеркивали, покрытую рытвинами, кожу.

– Добрый день, сэр, чем можем помочь? – подойдя к нему ближе, спросила Майя.

– Да какое там, «сэр», что вы, можно по-простому, я же не какой-то там большой человек, – по-доброму ответил старик. – Скажите, пожалуйста, если не секрет, эти дома, они же для людей? Я имею ввиду, для таких, как я.

– Именно для вас. Холода скоро, зиму никто не отменял.

– Хм, благодатный дар, ничего не скажешь. А вот мне интересно, что если я не захочу жить здесь? Неужто силой старика-то заставят?

– Нет конечно, что вы, – Соломон ответил с большим вниманием и заботой, – мы никого не заставляем, всё добровольно. А у вас есть дом или ночлег, для того чтобы переждать холода или, к примеру, непогоду?

– Ну, что же вы юноша, принижаете-то меня. Я хоть и старый уже, но жить умею, без крыши над головой разве доживешь до моих лет.

– Уже через месяц всё будет готово, если захотите, вы знаете, где найти это место.

Майя не спеша стала двигаться в сторону домов, Соломон последовал за ней.

– Вот мне интересно, если, конечно, позвольте высказаться, а почему эти дома строятся лишь сейчас? – они остановились, не успев ответить, а старик продолжил, глядя на постройки, – Столько лет в этих лесах и полях, в болотах и дебрях живут люди, целые семьи, между прочим. Те, кто выбрали жизнь без всего неестественного, ну, вы меня поняли. Многие смеялись, мол, дураки, живут как звери. Хотя, поди отличи человека от зверя, большая что ли разница, нужды-то у всех одни и те же. Но всем было плевать и, знаете, ведь это многих устраивало. Никто никого не трогал, каждый занимал свою территорию, тратя время и ресурсы на свои жизни, не на чужие. Мда. Сначала дома, потом связь, потом контроль и снова условия, а как я уже сказал, разницу между людьми и зверьём найти сложно, и выходит же, что ничего и не меняется.

Соломон и Майя переглянулись, заодно бросив взгляд по сторонам, подозревая, что монолог не вызван простым желанием быть услышанным.

– Мы – «природные люди», или как вы там нас называете, жили своей жизнью, никому не мешали. Но потом пришло известие, что появилась программа помощи тем, кто страдает душевными недугами. Тем, что нельзя просто заменить, как ногу, руку или что-то еще, вы меня поняли. «Приходите, мы все исправим» гласила реклама со всех сторон. Люди пришли, людям помогли, как же не помочь, ведь обещали... Такие овации были, такой шаг в новое, наступившее будущее, которого никто и не требовал из тех, кто понимал естество жизни. Прошло меньше года, как аплодисменты сменились криком... лекарство от болезни, стало лекарством от жизни... такое не забыть...

Соломон отошел на несколько шагов в сторону, пытаясь связаться с кем-либо через коммуникатор. Майя с обостренным любопытством подошла ближе к старику, оставаясь на безопасном расстоянии.

– Вы считаете, что имеете власть над нами? – Старик вступил с Майей в зрительную борьбу. – Ведь вы там, высоко, смотрите на нас, тех кто внизу, и вдруг решаете, вмешаться в работу самой природы, посягнуть на жизнь... Сначала даете надежду, потом калечите деяниями, а теперь, пытаетесь загладить вину подсунав утешительный приз. Лицемерие доселе невиданного масштаба, с этим не поспоришь... с этим не поспоришь... Но вы забыли, что все

те, кого вы считали слабыми и жалкими, все те, на чьи страдания вы ставили ярлык «вынужденные жертвы», могут сплотиться... объединенные горем, движимые возмездием.

Грохот разнесся по округе, заставив всех и каждого, вздрогнув от испуга, а после обернуть свой взгляд в сторону строений, ныне ставшими пленниками огня. Старик же молча смотрел вперед на результат мощного взрыва одного из домов. Огонь без промедления охватил часть травы и потянулся к лесу, следуя направлению усилившегося ветра. Дым от домов стал захватывать воздушные просторы, запах гари добрался до каждого. Дома горели, один за другим, следуя всем законам цепной реакции, остановить которую уже, казалось, невозможно. Пламя перебиралось всё дальше, жадно поглощая дома, обязанные стать убежищем, а не топливом для пожара, чьи границы становились все больше и больше.

Соломон пытался связаться хоть с кем-то, но попытки его были тщетны. Люди вокруг, как сотрудники, так и простые жители, убегали в ту сторону, где дым еще не обозначил свои владения, а огонь не оставил свой след. Они кричали, спасаясь бегством, попросту не зная ничего, кроме схватки за свою жизнь: настоящая паника, которая заражала Соломона своими симптомами.

Старик молча смотрел на это зрелище, игнорируя инстинкт самосохранения. Майя не знала, что ей делать, ведь перед ней, в буквальном смысле слова, всё было в огне, а чёрный дым добрался до самого неба. Практически повергнутая в шок, она не могла пошевелиться, чувствуя болезненный на физическом уровне страх и боль, проходящую сквозь все ее тело. Прошло совсем немного времени, а очертания строений уже скрылись за бушующим пламенем, напоминавшим огромную, неприступную стену, которая с каждой секундой поднималась всё выше и выше.

Майя взглянула на старика, его лицо выражало лишь смирение и покой.

– У всего есть последствия, – сказала старик, сунув руку под пальто.

Соломон подбежал к Майе, схватил её за предплечье и потянул назад, спасая от надвигающегося огня. Уже начиная кашлять от дыма, не чувствуя ничего кроме нестерпимого жара, она, увидев в его глазах отчаяние и страх, податливо следовала за ним. Треск и шум стали заглушать все звуки, единственным ориентиром для них оказалась нестерпимая температура, дышавшая им в спину. Неожиданно прогремел хлопок, еле слышный, но выделяющийся на фоне всеобщего безумия. Соломон и Майя оглянулись назад, старик, прямо у них на глазах скрылся в дыму и настигнувшем его огне.

Добежав до дороги, они глотнули свежего воздуха – ветер увлек за собой огонь в противоположную сторону. Пламя было неопишимо яркое, даже завораживающее, при взгляде на него уже через секунду болели глаза, а жар ощущался всем телом. Пока Майя, сгорбившись, откашливалась от дыма, продолжая прикрывать глаза, Соломон стоял рядом, придерживая её за плечи, поглядывая то на неё, то вокруг. Набирая свежего воздуха в легкие, она подняла голову и увидела бескрайний пожар, забирающий её работу и сотни жизней, как сотрудников, так и жителей. Скорбь и боль конкурировали с гневом и яростью, которые бурлили в ней силой равной неконтролируемой воле огня. Люди погибали прямо у неё перед глазами, крики смешивались с шумом разбушевавшейся стихии, в который раз рождая страшные образы в голове и возлагая всю ответственность безмерным грузом ей на плечи, доказывая её беспомощность и слабость. Майя сделала шаг вперед, освободившись от поддержки Соломона и всё смотрела, не щадя глаз, забыв обо всём, пока неожиданно не услышала незнакомый ей крик, который, как сразу же стало ясно, уже какое-то время исходит из её горла, разрывающегося от смеси боли и гнева. Но даже он, не смог заглушить для нее треск деревьев, гул огня и голосов людей.

Соломон, поддавшись шоку, оставался скованным, позволяя только слезам стекать по лицу. Жар, страх и боль – это всё, что было доступно из чувств, разрывавшим его изнутри. Майя не помнит, как перестала кричать, возможно, это и не произошло. А он не знает, откуда

у него силы не только идти самому, но вести Майю, поддерживая её за руку. Они не оглядываются, лишь идут вперед по пути, которым сюда и попали, уже одни.

– НЕТ! – срываая голос, прокричал Соломон. Майя подняла голову и, следуя его взгляду, увидела далеко впереди заслонивший всё небо черный дым. Лагерь, её лагерь, был объят огнём. Казалось, словно весь мир вокруг захлестнуло пламя, а там, где они находятся, – это последний островок жизни, центра урагана, открывающий вид на страшные события вокруг них. Связь не работала, спутники были недееспособны, помощь просить не у кого, да и никак, бежать так же некуда, как и негде укрыться, – они были одни. Майя сделала несколько шагов вперед, игнорируя крики Соломона, пытавшегося, в свою очередь, отбросить страшные мысли о судьбе Кристины... Она смотрела вперед, позволяя фантазии дорисовать в голове весь ужас, творившийся в Саламисе. Прямо сейчас работающие под её началом люди сгорали заживо или задыхались дымом, лишённые шанса на спасение, даже не понимая, почему это происходит с ними. Саламис, созданный как символ надежды и помощи, функционирующий, как часы, сменил статус – с «безопасной зоны» на жаровню.

Всё было кончено. Казалось, если бушующий огонь доберётся до неё, то она в мгновение вспыхнет, ведь внутри уже нет ничего живого, всё умерло, осталось лишь понимание: «я это заслужила».

Майя медленно подошла к могучему дубу в паре метров от них – его листья уже касались парящие угли, больше напоминающие светлячков – и медленно опустилась на землю, облокотившись спиной о его ствол. Находясь в центре жестокого урагана, не оставляющего вокруг ничего живого, было ясно – всё кончено. Парализующая и сжигающая, не меньше, чем огонь вокруг, боль не могла изуродовать лишь одно – идеальную жизнь, существующую в далеких мечтах. Тогда череда событий, ещё годы назад, разъединила её с единственным человеком, которого она любила. С тех самых пор, как она, по своему выбору, осталась одна, у нее осталась лишь мечта – непоколебимая, честная, чистая и существующая вне времени и всего мира вокруг... сказать или сделать то, что изменит финал, позволив им отпустить прошлое и отправиться в будущее... Туда, где они вдвоем, на том, прекрасном, личном для них озере, далеко от всего.

Она закрыла глаза и нырнула в воспоминания, в те счастливые моменты, которым, казалось, не будет конца. Их маленький мир, где она была счастлива с ним, а он – с ней, и ничего им более не было нужно. Простая и размеренная жизнь, которую они заслуживали, преисполненная любовью и счастьем... Прямо как в её снах, где она, наконец, останется в них навсегда.

Соломон оглядывался по сторонам, в панике пытаясь связать мысли и взять контроль над чувствами, борясь со страшным, убивающим его сердце, образом умирающей Кристины... Но вдруг он заметил, как Майя сидит на земле, опершись спиной о ствол дуба. Между ними было метров пять, которые он преодолел под шум падающих деревьев и симбиоз треска и гула пламени. Он надеялся, что у неё есть решение или какое-либо представление о том, что им делать дальше, как им быть, ведь сам он был на краю панической атаки, но увидел лишь устремленный вдаль взгляд, уставший и безжизненный. Сев перед ней на коленях, он что-то говорил, пытался выйти на контакт, почти кричал и готов был схватить ее за плечи, пытаясь привести в чувства, как внезапно для себя вспомнил и в ту же секунду понял, тот странный хлопающий звук, когда они оставили старика...

Это был не огонь, не что-то в лесу и уж точно не прихоти фантазии, всё было так же просто, как и страшно... Старик, тот самый, прямо перед собственной смертью, решил забрать ещё одну жизнь... Будто бы не был уверен, что огонь справится...

Соломон сел рядом, обняв её и позволив облокотиться на его плечо. Майя не выходила на контакт, не подавала признаков жизни. Она была далеко, в своих чудесном и последнем сне. Соломон же, повергнутый в шок, готовый последовать ее примеру, практически потерял связь с происходящим. Не было больше ни паники, ни страха, лишь болезненное смирение

с несправедливостью. Игнорируя постепенно надвигающийся со всех сторон огонь, он не мог оставить ее одну...

День 4

Итан

Медленное дыхание выдавало скопившуюся в нём тяжесть, и это при достаточно крепком здоровье – как по заверению врачей, проводивших осмотр раз в год, так и по его собственным ощущениям. В здоровом теле – здоровый дух, так решил он для себя много лет назад. И дело было не только в возрасте, куда важнее для него был контроль и выжимка всех ресурсов его организма для максимальной работоспособности как сейчас, так и в будущем. Нет, со здоровьем у Итана Майерса проблем не было. И это, неожиданно для него, стало проблемой. В той же степени, с которой он понимал и регулировал работу организма, метко и почти без погрешности реагирующего на те или иные продукты питания, лекарства и физическую нагрузку, словно это некий механизм, где он – механик, Итан с каждым днем всё больше боялся потерять контроль над разумом. Это казалось ему парадоксом: тело и ум – это единое целое, но работа их, как показывает его личная практика, не позволяет держать темп работы в тандеме. Что ещё более забавно, как ему казалось, и от чего даже возникала некая усмешка над самим собой, так это то, что он, Итан Майерс, потратил годы на то, чтобы понять, как устроена работа ума и непосредственно человеческого мозга. Но ему так и не удалось найти путь к повышению собственного интеллекта, во всяком случае, без механического вмешательства. А ведь именно подобная практика – печально известная история с чиппированием – в итоге, и привела его в эту точку времени и пространства.

– Вы выглядите расстроенным, Итан, – произнёс мягкий женский голос, от чего не сразу, но он среагировал, подняв глаза, вернувшийся из глубочайших размышлений.

– Я это знаю, – тяжелым голосом произнес он, – но куда важнее то, что на самом деле это – не важно... Так же не важно, как и всё то, что мы представляем собой в жизни до тех пор, пока кто-то этого не заметит, а чаще всего это происходит тогда, когда уже поздно что-то менять...

– Вы считаете, что люди были несправедливы к вам и вашей работе, Итан?

– Смотря, что считать справедливостью.

– Определение справедливости крайне обширное, даже имея два основных типа уравни-
тельная и распределительная...

– Но разве это практично? – Немного несдержанно вырвалось у Итана, явно нежелающего слушать факты, – когда человек что-то делает, за этим стоит мотив, некая цель, которая определяет его место в окружении. Многие, крайне многие, следуют примитивному желанию доказать свою значимость, даже не думая, справедливо ли будет то или иное действие по отношению к другим людям. Каждый думает лишь о себе, таков удел человека и, как бы образовательная система ни развивала ответственность и дисциплину, всё равно, мы реагируем на обстоятельства, а не занимаемся структурированием перспективы!

– В вашем голосе много гнева и разочарования, Итан. Что же вызвало это у вас?

– Известно, что... зачем лишний раз повторять одно и то же, будто бы это что-то способно изменить.

– И всё же вы здесь. Смею предположить, цель нашей беседы не в практике полемики.

Итан всё не мог сконцентрироваться, словно уваливая от темы, которая точно игла проходила сквозь его ум.

– Недавно умер близкий для меня человек... она... она была хорошим другом, хорошим человеком... теперь её нет. Сразу уточню – я знаком со смертью. К счастью или нет, но ещё в детстве я узнал, что это такое, как с этим жить и как не позволить себе сломаться под натиском

боли. Но проблема в том, что в этот раз, смерть была неожиданной... несправедливой... она не должна была умереть, не должна...

– Это крайне трагично, я понимаю, – Итан проявил заинтересованность, – но смерть – естественный исход жизни, с этим, к сожалению, ничего не поделать.

– Я понимаю, если бы это случилось от старости, если бы просто пришло её время... понимаю, правда. Только это – не тот случай.

– Вы считаете себя виноватым?

– Разве что в бездействии, или невозможности предвидеть события, отнявшие её жизнь.

– Вы вините себя, Итан? – Снова прозвучал вопрос, словно произнесенный обвинительным тоном.

– Отчасти, да, но не в этом моя проблема. Я прекрасно понимаю, что не могу знать все и быть везде и... я не всемогущ, это я тоже понимаю.

– Это хорошо, нельзя брать на себя слишком много. Надеюсь, это не оскорбит вас, но я всё же хочу узнать, честно и без отговорок, что вас тревожит? На самом деле.

– Я понял суть вопроса!

– Так же надеюсь, вы понимаете, что я не смогу помочь, если вы и впредь будете отстраняться от изначальной проблемы вашего состояния, всё же, вы, Итан, человек образованный и умный, так используйте свой ум. Я знаю, вам нравится прямота, так почему мы тогда обсуждаем нечто поверхностное?

– Потому что это не должно было произойти... она не должна была умереть, – болезненно вырывалось из него, – хорошие люди не заслуживают такого! Вопрос не в моих возможностях, вопрос факта смерти человека, который не должен был умирать, уж точно не так, уж точно не сейчас! – Чуть успокоившись, продолжил вновь, – я не знаю, много ли хороших и плохих, возможно, смерть взяла множество тех, кто не заслуживал жизни, принося лишь вред, я – не знаю. Но ведь хороший человек, отличный человек, кто чуть ли не создан для того, чтобы сделать этот мир лучше... мир, который не заслуживал ее... Если даже самых лучших из нас постигает несправедливая участь, то какой вообще смысл?

– Смысл делать то, что мы можем, пока у нас есть время, разве нет?

– Да, – Итан чуть пришёл в себя, стараясь собраться с мыслями, – да, в целом так и есть. Но... кроется иной изъян, исправить который, я, во всяком случае, пока не знаю как.

– Смерть – не изъян, вы же понимаете это?

– А что остаётся после смерти?

– Остаётся память о человеке. Возможно, его вклад, как в жизни близких и родных, так и, предположительно, разумеется, в его работу или окружение. Насколько мне известно, именно друзья, семья и дети дают веру в то, что бессмертие существует, ведь, как говорят: «человек умирает лишь тогда, когда его забывают».

– Мысль простая, практичная, я уважаю это. Но вот только я вижу это лишь как полумеру, как... оправдание.

– Что вы подразумеваете под этим?

– Жизнь человека, в большинстве случаев, оценивают по результату его работы, его вклада, его доброты и... лишь смерть, подводит черту, после которой можно оценить, насколько важен и полезен был почивший. Есть старое выражение «историю пишут победители», то же самое и с людьми – лишь смерть подводит черту. И вот, наступает время подводить итоги работы, вклада всей жизни, оставшейся за плечами... и... я все ещё, не верю, что это уже произошло.

– У людей есть свойство не ценить имеющееся сейчас, и сокрушаться от того, что более им не принадлежит. Таковы люди, с этим ничего не поделать. Жизнь – она в моменте, и вам это известно.

– А если эту жизнь оценят неправильно?

– Жизнь или работу? – Итан не ответил. – Я думаю, вы боитесь принять факт смерти вашего близкого человека именно из-за того, что эта трагедия наглядно показывает вашу же уязвимость и, смею уточнить, ваша жизнь заключена лишь в работе. Первое и единственное, вызывающее страх – это так и не узнать, что станет с вашим наследием.

– Это так... – С трудом выдавил он из себя, всё время смиренно слушая, как она точно подмечает истину, которую он так не хотел принимать, – после смерти меня вряд ли будут оплакивать близкие люди, если такие и вовсе останутся, но всё же именно они и будут знать, что я сделал и чему посвятил свою жизнь.

– Страх подобного нормален, ведь ваша работа и ваш вклад, как бы ни оценивался он большинством, всё равно является частью чего-то большего, разве нет?

– Откуда мне это знать, ведь я вряд ли доживу...

– В это надо верить.

– Верить?! – Такого поворота он не ожидал.

– Да, именно. Ваш труд, ваша работа, как и любого человека во всем мире, может ныне быть лишь семечком, которому нужно время. Всё относительно, Итан, вам ли не знать этого. И разве в этом не самое удивительное, как время определяет наши жизни.

– Я уж думал, начнётся тема загробной жизни.

– Почему вам это претит?

– Потому что люди, какими бы ни были, всё равно остаются людьми. Оказавшись в ином месте, будь то загробная жизнь или нечто совершенно иное, мы ничего не изменим, потому что не можем измениться сами. Вся история человечества стоит на крови, и нет формулы, когда счастливы все, и нет условий, способствующих всеобщему счастью. Если и есть жизнь, она такая же, как и здесь. Люди не могут сейчас, на этой планете, жить нормально, как тогда могут они быть иными где-то ещё. Надеюсь, никакого загробного мира нет, ведь там жизнь не может быть лучше.

– Вы противоречите себе, Итан.

Итан заинтересовался данным заявлением.

– Вы упоминаете смерть, как единственный способ подведения итогов, принятый у большинства людей, что ставит крест на важности ценить успех и жизнь человека здесь и сейчас. В то же самое время, любая жизнь после смерти, кажется вам бессмысленной, ведь кроме, простите за упрощение, декораций ничего не меняется.

Итан не знал, что ответить, его завели в логический тупик, найти выход из которого ему должны помочь эмоции, которые он всё ещё пытается обуздать, прикрываясь размышлениями о жизни – всё из-за страха признать смерть, которая подобралась так близко к нему, лишь второй раз в жизни. Впервые это было много лет назад – он похоронил свою младшую сестру Валентину, которой почти исполнилось одиннадцать. Но тогда он посвятил себя делу, полностью отдался замыслу – во что бы то ни стало, не позволить ей умереть просто так. Это было очень давно. А сейчас, переживая последствия того самого «замысла», он вновь столкнулся с тем, чего не ожидал никак, смело позволяя себе мысли о влиянии судьбы, явно желавшей дать ему либо суровый урок, либо новый стимул, цель которого он пока не понимал.

– Единственный логический вывод, который я могу сейчас вам дать, основываясь на вашем состоянии и ваших мыслях, так это личное нежелание принимать систему человеческой жизни. Где путь существует отдельно от результата, который виден, лишь тогда, когда, зачастую, уже слишком поздно.

– Меня это безумно раздражает, и я не знаю, как избавиться от этого. Люди не умеют ценить то, что у них есть сейчас, будь то работа или семья, время или возможности... И лишь когда происходят последствия, они почему-то сокрушаются, совсем забывая о том, сколько времени они могли тратить на важное, о чём ныне будут жалеть. Смерть расставляет всё на свои места, а как же жизнь? Разве это правильно?

– Нет, это неправильно.

Ильза

В этот день лучи солнца были будто бы красивее обычного, а воздух безмолвно застыл, и жителям Мегополиса казалось, будто бы мир вокруг замер в моменте. В определенном смысле так оно и было. Пережить сегодняшнюю дату, что ныне и долгие годы, будет являться днем траура – лишь начало долгого и крайне сложного периода жизни, как для подавляющего большинства граждан, так и для многих благотворительных программ, чья безопасность стала под вопросом, а с ней, и целесообразность самих мероприятий в том виде, в котором они были.

Первым местом её посещения был центр города, чья площадь, некогда выделенная для мемориала жертвам Сбоя, теперь соседствует с информационными столбами. Два квадратных вертикальных блока, два на два метра, и три в высоту, были усеяны именами жертв. Причина смерти не указывается ни у кого, поскольку это не изменит фактов, а при наличии данной информации сложно представить, как она будет трактоваться среди скорбящих и теряющих самообладание родственников и близких.

У нее в голове уже рождается подпись к фото, которое она сделала чуть поодаль, желая захватить, как столпотворение людей, так и информационные столбы: «лица людей, на жизни которых большинству из пришедших было бы плевать, умирай они поодиночке».

Разумеется, было предостаточно журналистов, открыто ведущих новости в прямом эфире, – они старались не вдаваться в подробности и освещать тему более поверхностно. Ильза Этвуд же работала над статьями в самом крупном независимом портале новостей, где чаще разоблачали, нежели восхищались. Место ее работы смогло сохранить независимость с момента Сбоя каким-то неведомым чудом, ведь тогда было сделано всё, лишь бы люди не поднимали неудобные правительству и ЦРТ темы. Тогда она опрометчиво готова была рискнуть своей карьерой, лишь бы отстоять право свободы мысли и слова, и это, каким-то странным для нее и многих людей образом, сработало, а её голос был услышан. Связь между Сбоем и вскоре принятым законом о контроле свободы слова и личной конфиденциальности проглядывалась невооруженным взглядом, из-за чего быстро вспыхнуло подозрение, что сама трагедия была искусственна и являлась лишь способом контроля над населением. Причем, это было лишь верхушкой айсберга предположений о мотивах произошедшего, ведь Сбой даровал правительству и ЦРТ карт-бланш на многое, в целях сохранить безопасность. Многие всерьез считали чипирование средством сокращения населения, подстроенного под несчастный случай. Тогда эта тема обсуждалась очень громко и, не обращая внимания на оправдания ЦРТ, Ильза без лишней скромности поднимала шум, становясь чуть ли не лидером мнения. Светлые, прямые волосы чуть ниже плеч открывали лоб, большие глаза и мягкие черты лица, которые в момент ее зрительного контакта странным образом преображались в охотничий оскал. При росте почти метр восемьдесят и с худощавым телосложением, она всегда выделялась среди большинства, но сегодня ее мало кто замечал.

"Трагедия всегда объединяет" – так была озаглавлена однажды её статья.

Пусть это и достаточно предсказуемое мнение, учитывая случившееся, но лично она молча указала бы на выставленные баррикады, а также на военных и служителей порядка, которые могут гарантировать безопасность, не в последнюю очередь при помощи блокировки всех радиочастот и наблюдения за воздушным пространством.

Ей сразу хотелось добавить: «...для многих это – отличный способ взять свободу под контроль».

Хорошо осмотревшись вокруг и подметив всё и всех, Ильза почувствовала дежавю. Город почти на военном положении, люди скорбят и плачут, воспевая ушедших, забывая о любых расправах и, оглядываясь вокруг, становится ясно, насколько нынешний траур схож с днём памяти жертв Сбоя – в основном так оно и есть, кроме одной мелочи – сегодняшний враг находится

не в соседнем здании. Да и тогда общество быстро потребовало вывести обвиняемого, а сейчас всё проходит мирно и подобного всплеска эмоций ожидать не стоит. Ведь, вопреки всему, это – Природные земли, всего лишь территория, а большинство обитающих там людей считалось фанатиками и затворниками. Да и совсем недавно был запуск Пилигрима – отличный отвлекающий маневр, как сразу подметила Ильза. Но, если такое случилось там – как долго ждать момента, когда все повторится, но уже здесь?..

Тогда она написала статью, озаглавив ее «Слабый человек создает механизм, что сделает его сильным».

Кажущееся для многих парадоксальным заявлением, изначально было и всегда будет визитной карточкой как ЦРТ, так и всех тех, кто видит возможность улучшить человека лишь с помощью искусственного вмешательства. Это зарождало в умах, как далеких, так и крайне мало осведомлённых, подозрение в собственном несовершенстве. Хотя, она признает – поначалу всё и вправду казалось разумным и даже невинным, ведь практика была давнишней, усердно развивающейся ещё во времена её детства. К примеру: отсутствующие конечности заменялись искусственным аналогом, возвращая полноценные возможности, или же, впервые давая их тем, кто с рождения был лишен полного «комплекта». Как и стоило ожидать, с годами этого стало мало. Кибернизация превратилась практически в рутину.

И на ее памяти, именно в тот момент направление общества, не заметно для самих себя, поменялось. Всего через несколько лет активного внедрения технологии, те, кто раньше были физически неполноценными, быстро поменяли правила игры и, сами того не замечая, доказали, насколько они стали лучшей версией тех, кого не коснулись дефекты. И, естественно, нашлись те, кто захотели заменить собственные конечности, попросту из-за неудовлетворенности от работы, проделанной эволюцией.

ЦРТ отрицало такие возможности, парируя простой цитатой Бенджамина Хилла: "Мы помогаем, а не улучшаем". К сожалению, или нет, но человеческую смекалку часто недооценивают, как и изобретательность в способах достижения цели, особенно фанатичной. По результату: не имея способности согласовывать объективное и субъективное, естественным образом главенствовать стал суррогат мысли.

В то время открылось много подпольных предприятий, изящно обещавших улучшить данное природой, ведь спрос рождает предложение. Это, созданное слабым, и желание обрести ненужное улучшение, подталкивало многих к радикальным методам, не позволяя разуму учитывать риски или, как минимум, статистическую погрешность. Люди, ослепленные желанием превосходства, не думали о технической поддержке в будущем, не думали о безопасности операций, лицензии на которые были у многих подпольных компаний подделаны, а самое немыслимое – они не думали, как лишают себя самого ценного, что у них есть – собственной индивидуальности. Тогдашние новостные ленты пестрили негативными заголовками о множестве трагедий, что несколько испортило впечатление о разработке ЦРТ, которую бессовестно ставили в пример все и каждый, забывая о существовании разницы между оригиналом и подделкой. Но для Ильзы, вопреки творящемуся хаосу, это было время открытий, ведь именно тогда она раз и навсегда выбрала профессию. В каком-то смысле, именно сбой и его последствия закалили ее окончательно.

Небесное светило близилось к зениту, сокращая время до начала официального процесса похорон на мемориальном кладбище на окраине города, откуда можно было увидеть огромный комплекс строений ЦРТ. Возведенный независимыми инвесторами десятилетия назад, он включал в себя не только основную высотку, достигавшую в высоту три сотни этажей, но и целый квартал жилых помещений для сотрудников, и многое другое. Инициатива создания подобного места – лишь подтверждение укрепления глобализации и популяризации науки в обществе, для процветания которой нужны памятники примеров подражания. Все научные сотрудники Центра Развитий Технологий похоронены здесь. Величайшие умы представлялись

как герои, чьи имена – словно кирпичи для построения нового, лучшего мира. Все это находилось за пределами Мегополиса, примерно в десяти километрах, дабы не мешать центру цивилизации жить своей жизнью. Ильза же была уверена – всё это лишь напоминание о том, что место, бывшее когда-то оплотом ума и альтруизма, стало марионеткой правительства, а, может, и наоборот, но в одном ее было не переубедить – комплекс – это трон, с которого на них поглядывают те, кто держат мир в своих руках.

Ильза уже минут десять стояла почти вплотную к ограждению кладбища, за которое пока не пускали гражданских. Большая, открытая территория, исчерченная тропинками в шахматном порядке. Подъехал транспорт с высокопоставленными представителями власти и не только. Первым она увидела Бенджамина Хилла, явно прячущего свои эмоции под томным взглядом, не роняя ни капли слез, отрицая проявления сердечной боли. За последние несколько лет она много раз пыталась вывести его на интервью, или же хоть на что-то большее, чем пара предложений, вызубренных от пресс-службы ЦРТ, усердно следящей за новостями, и не особо любившей независимые новостные порталы.

Ближайший к ней охранник отправился к Бенджамину, дабы сообщить, что одна журналистка хочет пройти, указывая в ее сторону. Она одарила его лишь безмолвным, циничным взглядом, длившимся, кажется, добрых пару минут, перед тем, как ей позволили войти по его разрешению. Стоило ей сделать первые шаги в его сторону, как он поступил также, благодаря чему они встретили в паре метров от входа. Она уже было потянулась за блокнотом и ручкой, наличие которых многим казалось странным, но сама Ильза отлично знала, как легко потерять в цифровом мире данные или, что еще страшнее, как их могут скорректировать. Записанное в бумаге – остается на бумаге, а пропажа будет заметна сразу же. Но сейчас был неподходящий момент. К счастью, она обладала отличной памятью, да и записывающее аудио устройство всегда было в нагрудном кармане куртки.

– Сделай одолжение – не лезь сегодня ни к кому. Ответу на твои вопросы позже: не сегодня и не сейчас, – тон его был крайне строг и, хоть и скрывал свои чувства, дрожь в его голосе дала ей понять, насколько личной была для него эта трагедия.

– Допустим, но я задам тебе один вопрос, – она была спокойна, зная, как важно, именно сегодня быть нейтральной, – сейчас, чтобы убедиться в твоём слове. Правда, что Природные люди произвели атаку в отместку за устроенный вами Сбой?

– Ты не получишь от меня никакого ответа.

– Я просто выполняю работу, ты сам знаешь – кто-то должен рассказать людям правду.

– Правда – крайне относительное понятие, а из твоих уст – еще и крайне переоцененная, – голос чуть сорвался, Бенджамин явно сам был недоволен своим состоянием и старался не поддерживать зрительный контакт.

– Тогда зачем ты пустил меня сюда? – Спросила она с откровенным сочувствием, слегка играя в поддавки.

– Я хочу верить, – он посмотрел на нее пристально и строго, раздраженный еще и ее надменностью, – что ты сможешь понять и признать людей, которые вопреки собственным жизням, пошли на риск ради других. Там погибли хорошие люди, прекрасные люди, которые были дороги своим близким... – он замолчал, понимая, как его заносит.

– А еще ты думаешь, что сейчас лучше пойти мне навстречу, ведь так тебе было бы проще контролировать то, что я могу написать. Я права? – Ответа не последовало. Он лишь посмотрел на нее, но уже совсем другим взглядом, который как бы говорил: "ты ничего не понимаешь", и ушел, оставив её одну.

Ильза решила более не трогать Бенджамина, как минимум пока. Она медленно пошла через кладбище, окружённая людьми, некоторые из которых оглядывались на нее, но не позволяли себе лишнего слова. Больше всего Ильзу привлек внимания могильный камень Мирновой Майи, организатора лагеря Саламис в Природных землях, бывшего руководителя отдела

робототехники и человека, чей вклад в благотворительность был воистину велик. Около ее могилы стоял Соломон Напье. Его взгляд даже без дополнительных знаний кричал о пережитом кошмаре. Склонивший голову, он молча смотрел на фото Майи. Его руки были опущены вниз, вдоль тела, словно просто висели на плечах. Костюм, в который он облачен, сидел слишком ровно, словно кто-то надел его на Соломона. Она аккуратно подошла, молча встав рядом. Казалось, будто Соломон не замечал никого вокруг, напоминая куклу-марионетку на веревочках.

– Произошедшее – ужасно... – медленно начала она, – Майя была, пожалуй, самой честной из всех. Я действительно уважала ее. Довольно часто мне казалось, что чем больше она делает, тем меньше ее замечают. Помню, как мы впервые с ней познакомились, это было как раз тогда, когда она только вышла в свет после трагедии и решила объявить о создании Саламиса. Ей толком не дали слова, обвиняя и требуя возмездия, но она не сдалась, а просто взяла и сделала то, что должна была... То, что было нужно людям. За это я ее уважала, она – человек дела.

С правой ее стороны, неожиданно появился Бенджамин и всем своим видом, глядя прямо в ее большие и красивые глаза, дал понять, насколько сейчас не время для ее внимания. Он кивнул чуть в сторону, ожидая, когда она последует за ним.левой ладонью она накрыла руку Соломона:

– Я правда считаю, что она заслуживала большего. Она не должна была умереть вот так. Даже не взглянув на нее, Соломон лишь кротко кивнул, после чего она отпустила его руку и направилась за Бенджамином.

– Знаешь, я не вижу здесь Итана Майерса, не скажешь где он? – резко начала она, оглядываясь по сторонам.

– Уж ты-то должна знать, он не дает интервью никому уже несколько лет, – на удивление сдержанно произнес он в ответ, остановившись и встав прямо перед ней.

– «Уж ты-то» знаешь, что я – не никто! Простые интервью – это не для меня. А мой вопрос все остается без ответа.

– Он не придет, во всяком случае, пока не будет уверен, что останется без внимания журналистов и соглядатаев, – всем своим видом она показывала неудовлетворение полученной информацией, – верь или нет, но ему тяжело.

– А этим людям вокруг, скажи, прям легко.

– Может, хватит! – Одернул он ее строго, почти переходя на крик. – Ты здесь не за этим, смею догадаться, так что сделай одолжение – будь снисходительна, хотя бы сегодня, хотя бы здесь! – С трудом найдя силы сдержаться, он быстро покинул ее.

Когда-то его слово вдохновляло многих, закладывая в юные и не очень умы, мотивирующие прилагательные. Что в сухом остатке являлись попросту навязанными ярлыками ради подготовки почвы для выращивания поколений, безрассудно возжелавших купить его товар, когда придет время. Не просто реклама – целые речи, поднимающие вопросы человеческого бытия, приравнивая лучших экземпляров биологического вида к погрешности, которую их программа сможет превратить в стабильный цифры, используя кибернетические имплантаты.

«Вы сможете лучше видеть. Вы сможете лучше слышать. Вы сможете полностью контролировать ваш ум, позволив обычной программе избавиться от лишнего и быстро усвоить необходимое.»

Она не успела заметить, как наука стала походить на культ, обещавший представить всем улучшенную версию эволюционного процесса, но мало кто всерьез задумывался над побочными эффектами. Сейчас ей было даже приятно видеть, как большинство людей, а точнее, подавляющая часть, заняты тем, чем должны быть заняты – думать о том, как ценны жизнь и время. Ведь если оглядеться, то каждый здесь и на многие кварталы вокруг преисполнен сопереживанием и сочувствием к тем, кого даже не знает. А ведь совсем недавно был совершен еще один большой шаг – отправка людей к базе Новый горизонт, за которым наблюдали все

и писал каждый. Но стоило случиться трагедии, так акценты внимания радикально сменили направление, и кто-то наверняка подметит, что это всё же показывает светлую сторону человека, но Ильза, может и не сразу, но точно указала бы на то, что эти события слишком уж близки друг к другу.

Агата

Межпланетный корабль следовал своему курсу настолько естественно и непринуждённо, что, казалось, будто всегда был здесь, как и его команда, всё дальше отдаляющаяся от родного дома. Цель: доставить первых людей на орбитальную станцию Марса, отстроенную роботами в течение последних пяти лет под строгим руководством и управлением отдела робототехники и инженеров с орбитальной станции Земли. База, которая послужит конечной точкой для испытания способа быстрого перемещения, который ЦРТ разрабатывал как раз для межзвездных путешествий. Как только на Новый горизонт зайдет человек, запустит все механизмы и выйдет на обратную связь с Кесслером – это будет означать, что человечество, наконец, стало осваивать космический простор солнечной системы. Новый горизонт, как и Кесслер, пока не обладал искусственной гравитацией, но изначально строился с перспективами освоить эту систему. Большая станция, имея за основу цилиндрическую форму, готова была принять около пятидесяти человек – и это было лишь начало.

Находясь в собственной каюте с небольшим иллюминатором, внимание Агаты было полностью сконцентрировано на просмотре видеоотчетов «пилигримов» специальному психотерапевту, находящемуся на ее станции по приказу Бенджамина Хилла строго для работы с космонавтами. Агата не совсем поняла, зачем присылать человека со стороны, ведь у нее на станции есть психотерапевт, но быстро отмахнулась от подозрений, прекрасно понимая, что и ему необходимо держать руку на пульсе, пусть и своими методами. После трех дней полета врач провел первое интервью, с целью узнать состояние команды, не только из-за обостренного чувства контроля – немаловажно было документировать все и вся, создавая почву для предотвращения каких-либо психологических проблем у будущих космонавтов. В своих собственных размышлениях Агата так же хотела попросту подстраховаться, поскольку не могла игнорировать некий зуд, вызванный результатом анализа всех предшествующих полету событий, где много того, чего она не одобряла.

Первым она смотрела разговор с капитаном корабля Филиппом Климовым. В свои тридцать пять он выглядел, как самый обычный мужчина среднего возраста – крепкое телосложение, короткие, темные волосы и крупные черты лица – особенно выдающейся была его сильная, точно вылепленная скульптором челюсть. Филипп обладал, кажется, самой ровной осанкой в мире – подарок отца – потомственного военного. У него был пронзительный, острый взгляд, но стоило с ним заговорить – и он сразу же превращался в самого доброго и отзывчивого человека на свете, что, конечно, не ожидаешь от того, кто рос в ежовых рукавицах.

Психотерапевт начала разговор с простых тем: состояние здоровья, самочувствие, наличие или отсутствие каких-либо неудобств, вызванных полетом, отношения в команде и т.д. Он отвечал уверенно, по существу, иногда придавая диалогу ноток юмора и легкости, не позволяя превратиться в рутину, все-таки, живое общение – это то, что необходимо космонавтам.

– В период тренировок и подготовки ты казался более спокойным, я бы даже сказала – более сосредоточенным.

– Вашей памяти можно позавидовать, раз такие нюансы не пропускаете, – сказал он с улыбкой, но сразу скрыл ее, – одно дело, когда мы готовимся к такому, другое – быть здесь. Как и любой член экипажа, я только сейчас стал привыкать к тому, где мы находимся. Сейчас все чуть по освоились и получают удовольствие от полета. Разумеется, не забывая о нашей задаче: дисциплина, ответственность и иерархия соблюдаются беспрекословно, чем я крайне горжусь. У нас отличная команда, все друг друга поддерживают. Надо Агате не забыть сообщить, она будет довольна, – закончил он на позитивной ноте, сразу же вызвавшей у Агаты непроизвольную улыбку.

Агата не сразу включила другой файл, предоставленный психотерапевтом пару часов назад – Евгения Кос, специалист по коммуникации, чья обязанность на базе будет настроить все средства связи.

– Евгения, вы как всегда красноречиво описали дни на корабле, но я бы хотела услышать, несколько более личное. Как вы себя чувствуете и ощущаете?

– Я? Ну, я даже не знаю с чего начать, – бодро, чуть наигранно и в красках начала Евгения, – мой удел – следить за связью, контролировать работу вычислительных компьютеров по поиску каких-либо звуков, способных привлечь научный интерес, так что – слушать и еще раз слушать! А потом: анализировать, думать, делать выводы и сообщать на базу.

– Мне нравится ваш позитивно-эксцентричный настрой, но мы обе знаем, что я спросила не об этом, – Евгения посмотрела на доктора Беллу, кивнула головой, понимая, чего от нее ждут.

– Я в порядке – сплю хорошо, работаю с удовольствием, социально реализуюсь по полной программе. Мы ведь далеко летим, здесь есть время не только думать и взвешивать, но и наслаждаться жизнью пока мы еще может, все-таки рисков у нас хватает, но, обязательно напомним, что команда отличная, и я, лично, рассчитываю на то, что вы будете за нами приглядывать. Если честно, разумеется между нами, я рада быть здесь, жду не дожусь прилета. Помимо важности нашего задания, куда интереснее попытка объять необъятное.

– Вам нравится быть одной?

– Почему нет? Мне скучна обыденность. Как только я узнала про подготовку к этому заданию – уже ни о чем другом не могла думать. Вопрос здесь, скорее, не в том, чтобы сделать большое дело и вписать имя в школьные учебники – кстати, я прослежу за этим – а, чтобы получить возможность попасть в это место с теми условиями, которые доньше не были подвластны никому. Мне нравится исследовать средства общения животного и человеческого мира, в частности, звуки, они передают куда больше чем слова, выдуманные людьми. Мир, вселенная, вообще, все вокруг нас и везде, живет своими способами взаимодействия, это – самое интересное. И то куда мы летим – прекрасное место изучать и еще раз изучать, стоя на пороге новых открытий.

Агате нравилась Евгения. Пусть она и жила, выбрав противоположный Агате, способ коммуникабельности в социуме, исполнительность и ответственность двадцатипятилетней Евгении подкупали, указывая на её профессионализм. Часто было сложно понять – погружена ли она в собственные мысли или же просто реагирует на окружение, когда этого требует ситуация. Со стороны может показаться, что вся эта хаотичная экспрессия, близкой к театральности – часть ее, но те, кто знаком с ней близко, знают – это лишь способ выживания, некий защитный механизм, помогающий трезво смотреть на мир. Мисс Кос росла самым настоящим изгоем, не вписываясь в окружение малообразованных людей, что были сродни Природным людям. Пусть подобное ждало ее и дома, родители все же любили ее и смогли дать дочери образование и заботу, позволившие пробиться на самый верх своей профессии в таком раннем возрасте. Она – уникальный человек с невероятным умом и была замечена ЦРТ ещё когда училась в школе. В обычной жизни, без званий и должностей, они бы вполне могли стать подружками, уравновешивая друг друга, в каком-то роде.

– Здравствуйте, Виктор.

– Доктор, – он спокойным взглядом смотрел на нее, понимая, что от него ждут, – если вы хотите знать о моем самочувствии, то мои слова скажут меньше, чем данные с этих костюмов, которые считывают все, начиная от работы сердца, заканчивая импульсами от спинного мозга. Я прекрасно знаю, как работает психология, и не подумайте, что я вас не уважаю, это ваша работа, не мне ее судить. Но мы здесь, далеко, одни, а вы – там. Ваша помощь работает тогда, когда ее хотят, иначе вы сидели бы по ту сторону экрана, а были бы с нами. Но я понимаю, делалось все на скорую руку, все учесть не успели, – доктор с интересом смотрела на него, –

корабль в порядке, на каждую возможную поломку есть инструкция, которую я знаю наизусть. Команда делает свою работу, никаких проблем не наблюдается.

Виктор Макаров был человеком простых взглядов, способный на постоянное аналитическое мышление, касающееся инженерной системы корабля и орбитальной станции, которая будет контролироваться им и работать под его началом. Лишенный какой-либо гордыни, он никогда не стремился завоевывать честь и славу, бегая за трофеями. Есть работа, которую он любит, а мир он видит лишь через контроль и порядок. Он не хотел менять мир под себя, скорее, пытался адаптироваться. Виктор был прямым человеком, а его исполнительность и пунктуальность были примером для подражания.

Разговор с Алисой Сафоновой был простым и легким: женщина хрупкого телосложения была одной из первых в группе Марии по созданию проекта «саркофагов» и обладала очень добрым, покладистым характером, ей не составляло труда подружиться с абсолютно любым человеком. В некотором смысле, она была воспитанницей консервативных родителей, которые привили ей приличие и добросовестность во всем. Она видела все лучшее, что было в людях и мире.

– Поначалу было несколько тяжело. Во время подготовки мы всегда знали, что в безопасности и не одиноки. Сейчас – мы одни. Но ради этого мы и тренировались, верно? И поэтому – все хорошо. Для меня большая честь быть здесь, я и не мечтала о таком шансе, но Мария убедила меня взять эту должность, за что я ей безмерно благодарна.

– Ваши слова способны вдохновлять. Как вы считаете, изменилось ли отношение к полету и факту пребывания на орбитальной станции долгие месяцы с момента подготовки до нынешнего дня?

– Вы спрашиваете лично про меня или про мои наблюдения за командой?

– Начнем с вас.

– Разумеется, нас готовили к этому, мы ведь проходили изоляционные тесты, проверяя работу в команде и стрессоустойчивость, да и работу с непредвиденными случаями так же отрабатывали, но, если откровенно, то, конечно, это несколько не то. Все-таки там я знала, – она задумалась, – все мы знали, я думаю, как легко нам будет созвониться с родными, с семьями. Даже если что-то пойдет не так, мы все равно будем в безопасности, а тут выбор не большой, приходится полагаться лишь на себя и свои силы, хотя, смею заметить, если не понравится моя компания, то у меня тут еще десять человек.

Она попыталась сострить, но вышло неловко.

Агата не сразу хотела принимать ее в команду из-за несколько, как ей показалось, раннего характера, что было бы ошибкой. Алиса была крайне интеллектуально одаренной девушкой, способной принимать ответственные решения, вопреки ее сомнениям и спокойному, отчасти меланхоличному, характеру. Вместе с Морганом Уэбсом они создали отличный тандем, где она выступала в качестве поборника порядка, а он – как легкий на подъем импровизатор.

– Морган, я вижу ты в отличном настроении.

– Да, более чем, причин для грусти или печали, к счастью, нет. Конечно, долго привыкаешь к невесомости, благо есть тренажеры, но каждый день – это настоящий праздник, словно в первый раз.

– Впереди еще много времени для полета, не боишься, что наскучит?

– Это я предусмотрел – взял с собой много классической литературы, а если планшет вдруг сломается, то Виктор его починит, он у нас мозговитый. Как ни посмотри, это лучше, чем быть в «саркофаге».

– Почему?

– Для них полет займет мгновение, они не смогут ощутить весь процесс, пропитываясь всем этим, – он раскинул руки, как бы охватывая корабль, – бац! – и уже там. Это, наверное,

не очень правильно так говорить, особенно человеку, приложившему руку к созданию этой технологии, но я практичен. Если бы знания загружались в мой мозг нажатием клавиши, я скорее терял бы себя, превращаясь в обычную базу данных, не оставаясь живым, способным к мысли индивидуумом – вот я к чему. Но, как ни крути, система «саркофагов» необходима для освоения космоса.

– Считаешь это неестественным?

– Считаю я так, то меня бы здесь не было. На самом деле – все наоборот. Природа не дала нам возможности путешествовать в космосе, но она дала ум, который позволил этого достичь. Значит, все же матушка земля подкинула нам такой шанс. Преступлением будет не пользоваться этим.

– А сам ты, в случае возможности, не использовал бы «саркофаг», чтобы сэкономить годы жизни?

– Я думал об этом, очень часто, но так и не пришел к окончательному решению. Пожалуй, все зависит от ситуации.

После просмотра всех записей, Агата некоторое время согласовывала для себя общую картину, после чего сразу позвонила капитану корабля, не заметив, как начала нервничать.

– Привет, Филипп, – она была словно чуть мягче, чем обычно.

– Привет, – сказал он, улыбнувшись и оглядываясь, нет ли кого по близости, – рад тебя видеть. Что-то случилось или это просто звонок?

– И то и другое. Я не должна освещать такое каждый раз, но можешь сообщить команде, что психотерапевт вами доволен, по ее мнению, вы справляетесь отлично, – Агата старалась сухо говорить факты, но что-то ей мешало, заставляя даже корить себя за это. – Как у вас сейчас дела?

– Отлично, все работает и под контролем. Не беспокойся, у вас есть все средства, чтобы держать руку на пульсе. И хватит о работе, лучше расскажи, как твое самочувствие?

– У меня все хорошо, – для нее было бы странно обсуждать личное, будь на его место кто-то другой, – немного завидую тому, что вы там, а я здесь.

– Уверен, когда ты прилетишь сюда, к нам, сможешь полноценно почувствовать этот огромный шаг, и я, надеюсь, застану тот момент.

– И я надеюсь.

Особенность этих отношений заключалась в непредвзятом взаимопонимании на каком-то фундаментальном уровне. То было большой редкостью для нее – человека чуждого к эмпатии, для которого эмоциональная привязка к кому-либо была практически невозможна. Они не забывают правила, введенные не просто так, как раз для таких случаев. Агата, конечно, замечала внимание мужчин, но поддавалась она особому вниманию лишь ради удовлетворения изредка всплывающих личных потребностей, остальное её не интересовало, а чувства молодых людей не заботили ее совсем. У него было почти так же. И вот, совершенно неожиданно, впервые в жизни, он увидел в представительнице прекрасного пола не просто «девушку на вечер», а нечто куда большее, чем он мог понять.

– Есть какие новости с планеты, а то ведь у нас прямого эфира нет, мы даже не знаем, что там и как у вас.

– Ничего необычного. Я не лезу в дела земные, но могу сказать, что война не началась, а это уже неплохо, да? – На удивление, она даже не заметила, как вдруг пошутила.

– Да, с этим, поспорить сложно, – они смотрели друг на друга, словно на первом свидании, несколько смущенные и боящиеся делать лишний шаг, преисполненные игривыми чувствами друг к другу.

Агата не стала информировать его об атаке в Природных землях. Протоколы запрещают доносить информацию, касающуюся каких-либо происшествий, забравших людские жизни, потому что любая трагедия с высокой вероятностью способна повлиять на моральное и эмо-

циональное состояние команды. Задание такой важности всегда находится под строгим контролем информационного фильтра, во избежание человеческого фактора, способного неблагоприятно повлиять на жизни космонавтов.

– Скажи, Агата, никогда не хотелось отправиться в путешествие, к примеру? – Спросил он наигранно официальным тоном, вызвавшим у нее улыбку.

– О каком виде путешествий ты спрашиваешь?

– А о каком ты мечтаешь?

– Теперь мы говорим уже о мечтах, интересное развитие, – снова улыбнулась Агата, ощущая, будто легкое опьянение, которому она, на удивление, даже поддавалась.

– Да, почему нет? Все мы люди, у всех есть мечты. Чего тут стесняться?

– Аккуратней, все же ты говоришь с непосредственным начальником, – начала она наигранным, по мере сил, официальным тоном, – расстроить которую, очень вредно для профессии, ведь ее может оскорбить приравнивание к тем, на кого такие речи работают, – он улыбался ей в ответ, пока она, сама того не замечая, уже практически флиртowała.

Бенджамин

Близился закат, когда Бенджамин и Соломон приехали на небольшое озеро, куда дальше от города, чем кладбище, и совершенно в ином направлении нежели Природные земли. Красивое место, напоминающее картину, написанную маслом, окруженное густым лесом со всех сторон, кроме запада, куда сейчас опускалось солнце. Дул сильный ветер, обнимая деревья, заставляя листву колыхаться и наполняя легкие прохладой и чистотой. Они стояли в паре метров от спуска в воду, небольшие деревья были на расстоянии десяти метров за их спинами, деля землю с невысокой травой и цветами, над которыми нависали ветви старших братьев. Когда-то Бенджамин и Майя приезжали сюда, вдвоем, словно сбегая от мира, работы и ответственности, потому что даже им нужна была, хоть иногда, простая жизнь в тишине, покое и любви. Казалось, вот-вот и они смогут отойти в сторону, пусть временно, и получить свой заслуженный отпуск, позволяющий им думать о себе, а не о мире. Они планировали построить здесь дом, выкупив небольшой участок земли под него...но дальше планов так ничего и не ушло. Они откладывали мечту на всё более поздний срок и ждали выхода на пенсию. До нее оставалось немного, совсем немного...

– Она не хотела могилы, как и не хотела памятников и гроба, хоть в ЦРТ на этот счет свои правила. Да и знаешь, пусть кладбище ЦРТ и будет монумент в ее память, так людям будет проще. А для нее будет лучше здесь...Такой подход она выбрала давно, и тогда мне казалось, что это забудется уже лет через десять, все же, мы были не старики, но и не то что бы молоды. Тогда это даже казалось романтическим, а сейчас... – Бенджамин смотрел вперед, с трудом говоря это то ли Соломону, который впервые отвлекся от своего внутреннего голоса, то ли самому себе. – Известно тебе или нет, но это было место, куда мы уезжали в любой свободный день, а то и на целую неделю, просто забывая обо всем.

Позади них, ближе к деревьям, была небольшая клумба. Кусок земли, подготовленный под посадку дерева, куда оставалось лишь вставить специальный биологический контейнер вместе с семенем и дать жизни делать свое дело. Бенджамин медленно высыпал прах в контейнер, а Соломон наблюдал за всем молча в паре метров от него, заметно измотанный. Там, прямо чрез ее прах, будет расти дерево, которое станет частью ее, а она – частью его. Бенджамин медленно вложил семена и закончил процедуру, не сводя взгляда, чуть ли не скрипя зубами. Повсеместная практика, позволяющая мертвым не исчезать из этого мира, а остаться частью жизни. Сейчас это просто небольшая клумба, росток, но через время он станет дубом, таким же крепким, каким был её характер, таким же красивым, каким был её взгляд на мир. Так хотела она.

Соломон смотрел на этот процесс, все вспоминая тот день, когда Майя умерла, а он не спас ее. Вспоминая того старика, который выстрелил в нее, будто бы пожар не нанес бы ей вреда, будто бы трагедии было бы мало. Ранее неизвестной силы разочарование пробирало Соломона до костей. Ведь он не спас ее, и корил себя за это каждую секунду, пока смотрел на процесс захоронения.

– Когда мы собираемся вернуться туда? – нарушил Соломон идеальную тишину, – в Природные земли, когда мы вернемся?

– Не думай об этом, отдыхай, восстанавливай силы, – твердо отвечая, Бенджамин встал, не отводя взгляда от погребального места.

– Это нужно обсудить сейчас. Отдохнуть я успею.

– Это не обсуждается, не сейчас, не с тобой! Повторюсь – отдыхай.

Бенджамин обернулся к Соломону, держа руки за спиной.

– Не обсуждается? Кем не обсуждается? Мы должны вернуться, помочь тем, кто пострадал и найти тех, кто пропал – что тут думать!

– Я прекрасно понимаю твои чувства! Но туда никому нельзя, вся территория чуть ли не под забором с проволокой. Нам всем надо успокоиться. Уже в ближайшие дни я начну обсуждать этот вопрос с министром обороны, чтобы сделать все правильно и решить...

– Решить, что? О чем может идти речь? – Соломон был в растерянности, граничащей с истерикой. – Там люди, наши люди остались одни, те, кто, пытаясь спастись или найти помощь – пропали, может быть взяты в плен или пытаются выжить, потому что всем было плевать!

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что вас там не было! – Бенджамин держался профессионально. – Вы не видели, как все горит... словно это не имеет значения и всем плевать! Люди умирали страшной смертью, даже не зная, почему... просто так. Никто не помог, мы были сами по себе! Ни я, ни Майя не могли им помочь, да что уж там, мы сами уже готовились к смерти! Мы были отрезаны, сами по себе, связи не было, словно весь мир вокруг перестал существовать. Как такое вышло? Ответьте мне, пожалуйста!

– Я не знаю! – Строго отрезал Бенджамин. – Это одна из причин, почему никто не рискует туда возвращаться.

– Все это какой-то детский сад, – Соломон стал топтаться на месте, отводя взгляд и мотая головой

– Послушай меня внимательно. Нельзя терять самообладание и выпускать на волю эмоциям. Она была мне дорога не меньше твоего, ты это сам знаешь. Вместе с ней, ты, я, мы все потеряли многое, а значит нужно адаптироваться и чтить ее память, пытаясь делать так, как она считала бы лучше.

– Она бы не оставила там людей. Спасатели появились, погрузили нас, забрали оборудование и просто вернулись обратно. Разве так делается? А как же остальные люди, наши сотрудники, которые пытались помочь людям, которые пострадали от ваших с Итаном рук!

– Не учи меня истории! – Строго парировал Бенджамин, уставая от этих разговоров и истерик. – Лучше других знаю!

– Кристина пропала! Это вы знаете? Ее нет среди тех, кто вернулся, и нет среди погибших. Она там, одна, возможно умирает или захвачена этими уродами... И вместо того, чтобы идти ее искать, я тут, распинаюсь и выпрашиваю у вас ответов, словно на спасение жизни нужно разрешение. А она там, ждет меня, и я даже не знаю, жива она или нет! – Соломон почти задыхался, охваченный страшными мыслями, и Бенджамин прекрасно понимал, как ему дорога та девушка.

– Я постараюсь сделать все возможное, – медленно, успокаивающим тоном начал Бенджамин, – чтобы вернуться туда и спасти всех, обещаю, но сейчас крайне неустойчивое положение. Мы так и не восстановили всю сеть, вот почему туда нет дороги. Все сразу слепнет, работает только аналоговое оборудование, а его осталось мало. У нас есть зацепки, но пока мы не найдем в чем причина и не устраним ее, никто и никуда не отправится – это факт, закрепленный прямым приказом военных. Сейчас Природные земли под их руководством. И если кто-то и может туда попасть, то квалифицированные и обученные люди, но не ты. По понятным причинам я не могу позволить тебе этого сделать.

Соломон молчал, терзаемый самыми разными чувствами. Шагая из стороны в сторону, он словно потерялся в пространстве, сломленный и уставший.

– Ты должен быть сильным, ведь именно на тебя Майя возлагала надежды. На тебя и на Кристину. Да, ее я знаю. А от тебя жду, что ты возьмешь себя в руки. У нас много работы и, поверь, в такие моменты нельзя никогда забывать, зачем мы все это делаем.

– И что мне делать? – устав спросил Соломон. – Просто жить дальше, ходить на работу, на которой я даже не знаю, чем буду сейчас заниматься...

– Отдохни пару дней, потом приходи в ЦРТ. У тебя есть люди и средства, продолжишь вашу с ней работу, касающуюся возможного бесплодия. Это очень важный вопрос. Майю это

волновало не просто так, – Соломон впервые всерьез задумался, – это требует всего твоего внимания, я рассчитываю на тебя.

– Спасатели забрали не все оборудование, многое осталось там.

– С каких пор это проблема? Если это действительно обладает тенденцией к увеличению, то надо быть на шаг впереди, иначе все было зря, как и смерть Майи.

– Мы не можем бросить там людей, – практически не осознанно произнес он, – куда мы тогда скатимся, кем мы тогда будем?

– Занимайся своей работой, а я займусь этим, договорились? Уже сейчас готовятся группы для вылазки и поиска людей. Это военные, профессионалы своего дела. Тебе делать там нечего, оставь это другим.

– Хорошо-хорошо, я согласен, – Соломон посмотрел на Бенджамина, не сводившего с него оценочный взгляд, и, оглянувшись вокруг, произнес, – я очень устал, можно прогуляться, пока мы не уехали?

– Конечно.

Соломон сразу же зашагал куда-то в сторону, убрав руки в карманы и чуть сгорбившись. Сам Бенджамин еще какое-то время смотрел вслед юноше, которого Майя так ценила, что даже заставила взять его на должность, к которой он, несомненно, подходил, хоть и был несколько молод. Бенджамин в итоге рискнул и сейчас так хочет сказать ему спасибо, за помощь женщине, которую сам не смог защитить. Соломон скрылся за деревьями, оставив Бенджамина наедине с оголенными чувствами, которые он так долго держал, и вот они наконец-то хлынули потоком – он почти плакал. Опершись руками о ближайшее дерево, он чуть согнулся и спрятал голову между предплечьями, уткнув лоб в гладкую кору. Его разрывала боль от того, что его не было рядом, когда она умирала... от того, что он никогда больше не увидит ее и не скажет, как сильно любит... а из головы все не выходил их последний, настоящий разговор, который произошел два года назад. Было сказано много слов, но как он помнил, именно эти были последними...

– Да хватит так утрировать! Майя, сколько можно! Ты просишь меня сделать что? Забыть обо всем и начинать помогать каждому пострадавшему? На это есть врачи, есть служба помощи пострадавшим от того же ЦРТ, которое еще существует лишь благодаря мне! Ты хоть знаешь, что приходится делать, на какие уступки идти, ради сохранения этого места и возможностей, которые оно еще сможет создать? Я практически на войне, потому что если мы не сохраним это место и людей, то никакого будущего не будет! Все жертвы будут напрасны. – Вопреки тому, как сильно он ценил в ней филантропию, в тот момент ему казалось, что она неверно расставляет приоритеты. Он и вправду делал все для сохранения за собой власти и ресурсов, ведь лишившись их, не будет того, ради чего они работали. Она почему-то не понимала этого, и это злило его, ведь Майя всегда находила оптимальный выход, правильно видя шахматную доску. А сейчас она бросала его одного, ставя людей выше их и работы.

– В этом наша разница, ты смотришь на все слишком узко, а я вижу все в перспективе, потому что знаю... – откровенно злился он, но не на конкретного человека, а на примитивную для него точку зрения, ведь цели всегда были глобальнее, чем простое «здесь и сейчас».

– Делай это без меня. Я не собираюсь закрывать глаза на то, какой ущерб мы нанесли, следуя твоей мечте изменить этот долбаный мир.

– Майя... – он был шокирован и, впервые, даже разочарован ею.

– Остановись, пожалуйста. Все пошло не по плану и, раз ты выбираешь такой путь, то... я собираюсь взять полный контроль над Саламисом, работая прямо оттуда, это сейчас все, что меня волнует, и никакие твои уговоры, никакие доводы не изменят моего решения, ты это прекрасно знаешь. Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь меня.

Бенджамин злился: она выбрала не его, а их, людей, которых они так хотели изменить... людей, что потратят все ее силы, доброту и ресурсы ЦРТ ради примитивной жизни. В то же

самое время, ему предстояло работать как никогда, ведь если он позволит ЦРТ развалиться, а проекты будут переданы иным людям, вся его работа, как и вся его жизнь, будет напрасна.

Пока Майя решительно помогает людям напрямую, создав лагерь Саламис и забросив какую-либо иную работу, кроме организации помощи жертвам, он, как человек видящий мир с большей высоты, сможет сохранить то, что они создали. Для него и вправду все случившееся – лишь небольшая кочка. Но она не понимала, ведь Майя, как и всегда, смотрела на жизнь здесь и сейчас.

Ныне эти мысли мучают неописуемо сильно, принося невероятные, живущие будто бы своей жизнью внутри него, страдания, ведь это была их последняя беседа, закончившаяся не так, как он хотел. Бенджамин, глотая редкие слезы и скрипя зубами, смотрел на клумбу, с трудом выговаривая слова, шептал – почему же ты не послушала меня?

Итан

– С момента нашего последнего разговора, я пришел к неутешительному для себя выводу, что не могу просто принять факт смерти, как ситуативное событие.

– Разве кто-то желал ей смерти? Это ведь случайность, а случайность нельзя запрограммировать или предугадать.

– Знал, что вы будете так парировать, и знаю, что ответить: нет разницы между случайностью и выбором.

– Мне крайне интересно услышать ваши аргументы, Итан.

– Рад быть нескучным. Мое видение на самом деле простое, но не самое приятное для понимания, ведь оно приравнивает любого человека к набору функций, не способного, в большинстве случаев как-то влиять на жизнь более, чем единичным вмешательством. Человек вообще бывает двух типов – тот, кто знает, что владеет своей судьбой – разумеется, допуская факт вмешательства со стороны, – и тот, кто уверен в том, что судьба или сама вселенная приглядывают за ним, давая в жизни лишь желаемое... или заслуженное. Как только у первого происходит нечто выходящее за рамки его контроля, он сразу же старается вернуть себе свою власть и пытается объяснить отклонение от нормы, оправдываясь фактором внезапности, и никто не застрахован, но, что важно, он все равно уверен в контроле над собственной жизнью. Другой же верит в то, как важны те вмешательства в его день, кои он не мог и не сможет контролировать, успокаивая себя незнанием всего сценария, ведь жизнь – это цепочка событий, а понять общую причинно-следственную систему не дано никому, но она существует. Кто знает, может быть, опоздав на поезд, вы избежите смерти или же встретите кого-то важного для себя, кто так же опоздал, считая это новым ударом судьбы, не подозревая об удаче. Истина же кроется вот в чем: все, что у нас есть – это хаос. Если вас сразил сердечный приступ, то, значит, были проблемы со здоровьем, плохое питание, стресс или же свою роль сыграла генетика, а отсутствие профилактики и безалаберное отношение к себе лишили человека знаний, которыми бы смог поделиться с ним врач, пойдя он на осмотр. Так же, как и убийство – неважно из-за чего оно было совершено. Человека убили не просто так, а потому, что чьим-то родителям было плевать на воспитание, и это родило много факторов, вследствие которых будущий убийца либо не смог найти работу и был вынужден грабить, либо родители не рассказали ему о конструктивном мышлении, дабы он научился понимать и оценивать свои эмоции, благодаря чему в трудный момент смог бы оградить себя от опрометчивых поступков. Все, что происходит в мире – это последствия тех или иных решений человека.

– Довольно интересная теория, правда, она сама отвечает на свои же вопросы. Ведь, как я понимаю, при такой системе, все заиклено, а, значит, винить некого, лишь принимать так называемую судьбу. К тому же, разве система не может меняться?

– Я не знаю как.

– И это расстраивает вас, Итан?

– Это меня злит!

– Но вы так же являетесь частью системы, от чего напрашивается вопрос: разве вы можете повлиять на нее?

Итан с неподдельным удовольствием вникал в слова, которые могли бы быть восприняты кем-либо менее квалифицированным, строго с негативной точки зрения, но для него это было достижение во взаимопонимании.

– По моему мнению, Итан, лишь понимание всех возможностей провоцирует безудержную страсть к поиску, а, возможно, и созданию чего-то нового и ранее не известного. Это ли не попытка изменить мир, тем самым повлиев на людей, в чьих руках будет возможность повлиять на систему?

– Чтобы найти новое – нужно избавиться от старого, в этом же суть?

– Нужно загнать себя в условия, когда ни одно ранее известное, не способно было бы помочь, от чего ситуация требовала бы открытий, а не повторений. Быть не глупее умных, это пример самосдержанности, тормозящей амбиции.

– И как же это поможет избавиться от моих чувств? – с явным любопытством, спросил Итан.

– От того что чувствуете – никак.

– Разочаровывающий ответ. Ведь именно в этом у меня и проблема. Разве не к этому мы пришли?

– Чувства, эмоции, возникает в мозгу у всех и каждого химия – она, бесспорно, может регулироваться. Вы это прекрасно знаете, хоть подобное вмешательство и запрещено нынче, по многим факторам, я сама, честно признаюсь, согласна с этим решением. Ведь это лишает уникальности, возникшей из хаоса и стечения обстоятельств, как бы ранее мы к ним не относились. Но здесь и проявляется человечность, разве нет?

– Мне стоит просто всех простить, приняв каждого таким, какой он есть, типа, наплевав на ответственность и последствия?

– Это решать вам, не мне. Но мысль моя была куда проще. Не относиться с гневом к остальным и себе просто из-за того, кто кем является. Вы же не станете ненавидеть воду или ветер? Эти свойства природы такие, какие есть, и гнев не даст вам возможности их изменить. Лишь ум, гармонирующий с эмоциями.

– Значит все вот так просто – простить и принять?

– А почему должно быть сложно?

– Трудности доказывают нам важность преследуемой цели. Будь все просто – это потело бы смысл.

– И все же, это не ответ на мой вопрос, Итан.

– Потому что иначе ничего не происходит. Сама природа строится на сложных, а главное, долгих симбиозах и адаптации, вследствие чего и происходит эволюция. Мы не можем быть проще самой планеты, ведь человек – это тоже часть большого пути... пути самой жизни в простом понимании.

Наступило молчание.

– И это, – решил он продолжить мысль, которая стала развиваться на ходу, – действительно злит. Хочется кричать от гнева, который невозможно отделить от понимания того, насколько природа не справилась! В самой жизни заложен фундамент гармонии и баланса, весь биологический мир строится на этом, и, пусть все же происходят катаклизмы, разрушающие фауну или истребляющие целые виды, жизнь все равно адаптируется, используя разрушения в свою пользу. Сколько прошло лет, а человек так и не приспособился, оставаясь примитивным набором функций в самом своем зачатке, который без развития становится настоящей угрозой всему вокруг, – с каждым словом ему словно открывалась истинная причина своего негодования. – Просто немыслимо в наше время и с нашими возможностями воспринимать каждого индивидуума, как единицу неспособную к самостоятельному развитию, ведь без обучения старших, ребенок остается в какой-то степени животным, пусть и умея говорить и даже писать, он не способен к мысли, к анализу, к дисциплине, а, вследствие, и ответственности. Это не дает мне покоя!

Все люди за всю историю человечества одинаково чувствуют себя особенными. И вот действительно важный вопрос: если ослабив хватку человек устроит бесцельный ужас, то можно ли считать это ошибкой, или же все это и вправду замысел мудрой жизни? Что мешает сделать человека изначально добрым, неспособным вредить себе подобным и существующим строго в гармонии, без гнева, зависти и эго, просто изучая мир и существуя в нем, ценя любого, как самого себя?

Отвратительный идеализм, я понимаю, но, в то же самое время, сколько ни смотрю на людей, сколько ни стараюсь увидеть, распознать и запомнить причину, мне становится ясно, как ошибочно полагать о важности нашего существования. Все сливается, и смотреть на человека, как на индивидуума становится невозможно. Каждый год людей все больше, и, казалось бы, жизнь должна становиться лучше, ведь мы, люди, можем сделать это без особых проблем, но, нет, все лишь хуже. Каждый день кто-то умирает – разве мир становится хуже или лучше? Нет, он не меняется. Вот есть человек, условно, он живет, веря в свою уникальность, но ведь на деле он – лишь еще один из бессчётного количества. А все почему? Все одинокого уникальны, а значит нет никакой уникальности. Остается лишь вешать ярлыки, поскольку невозможно уже искать оправдания тем или иным человеческим действиям.

– Возможно это все этап развития, и то, о чем вы говорите, Итан, еще впереди?

– Я отказываюсь в это верить! А если это даже так, значит, все наши жизни моментально теряют смысл, поскольку мы – всего лишь переходный вид, с целью просто прожить жизнь, дабы потом кто-то, когда-то смог убедиться в нашей примитивности.

– Разве вы сейчас не думаете, как и те люди, которые были осуждены вами за желание следовать своему эго, доказывая свою значимость?

Он хотел было рассказать, с какого события начался его долгий путь, но умолчал, – ...я думаю о других больше, чем о себе... вижу, в чем изъян... разве могу я игнорировать знания?

– Нет, не можете. Но все же, если ваш гнев будет вести вас, то какого результата можно тогда достичь, видя лишь одну сторону?

– Когда-то давно, я использовал гнев, чтобы сделать нечто хорошее. Я тогда учился, пока мои мать и отец... скажем-с так, они были плохими людьми и еще более плохими родителями, от чего мне пришлось заниматься младшей сестрой, пока им было плевать. Я ненавидел их так сильно... Отец убил мать, а потом и себя... в общем, я был рад. Правда, ведь они – плохие люди, действительно плохие, просто сделали миру одолжение и самостоятельно ушли из него. Неспособные жить в единстве со всеми не должны мешать остальным, так я считаю. Тогда Валентина, моя сестра, заболела и... она не выжила. Иногда я рад, что она покинула мир еще ребенком, так и не узнав, что таких людей как наши родители очень и очень много. Она была лучше, чем я, чем многие, и она заслуживала лучшего мира, лучшую семью. Как я понял позже, через много лет... – ему хотелось добавить, что случилось чуть позже той самой ночи, когда он познакомился с Бенджамином Хиллом, – ...люблю свою сестру, я скучаю по ней до сих пор, забавно, не правда ли? Мне всегда было интересно, не знай я боли утраты, гнева и разочарования, как бы сложилась моя жизнь?

– Это очень грустная история, но у нее есть, чему учиться. Ведь ваша любовь дала вам силы терпеть этот гнев, преобразовать его в иную силу, которую вы пустили в работу и знания, привнеся в мир так много, работая в ЦРТ. Будь у вас лишь гнев, слепой и бесконтрольный, вы оставляли бы за собой лишь цепь разрушений, которые никогда бы не дали вам того, что дает любовь.

– Спасибо, – сказал он с трудом, вытирая редкие слезы. Наконец-то, он смог выговориться и, на удивление, отпустить гнев, словно впервые в жизни ему стало легче, – правда, спасибо, это добрые слова, я редко такое слышу... Моя работа принесла очень много горя... из-за чего я сейчас и здесь, разве нет?

– Да это так. Но, вдруг это лишь один шаг назад, перед тем, как сделать два шага вперед?

День 5

Ильза

Ильза Этвуд приехала в санаторий, который уже не один десяток лет занимался детьми с ограниченными возможностями, получающий финансирование от Центра Развития Технологий. Но прибыла она сюда, чтобы увидеть только одного человека. Для нее подобные места являлись примером добродетели со стороны ЦРТ и многих людей, проводивших всю свою жизнь на должностях воспитателей, преподавателей и просто помогая.

Елизавета встретила ее в своем кабинете, но не за личным столом, а в более комфортных условиях – на одном из двух кресел, стоявших друг напротив друга и разделенных чайным столиком. Елизавета была уже в преклонном возрасте. И это, как ни странно, шло ей – описать ее как мудрую и опытную женщину, чей ум и знания высоко развиты, не составляло труда. На вид она была очень приятным человеком, из тех, кто гостеприимно принимает любого гостя.

– Я бы хотела задать вопросы касаясь событий в Природных землях...

– Меня там не было. – Прервала Елизавета журналистку.

– Я знаю. Но вы хорошо знакомы с Майей Мироновой.

– Ее гибель – крайне трагичное событие. Мне, как и многим другим, будет ее не хватать, – размеренная и даже теплая речь была преисполнена уверенности.

– Почему же вы не пришли на похороны?

– Возможно, я приду тогда, когда никого там никого не будет. Сентиментальность – не моя сильная сторона. После смерти человек остается жить в нашей памяти. Ни один памятник, ни один символ или могила не заменят наших воспоминаний и чувств о покинувшем нас человеке.

– Позвольте процитировать?

– Вы хотите написать статью про недавнюю трагедию, но мне не понятно при чем тут я и моя работа.

– Я хочу разобраться во всем. Составить полную картину произошедшего.

– Интересный подход, раньше от вас такой дотошности не наблюдалось. Я читала не все, но многое. Слышать от вас, Ильза, о стремлении собрать полную картину – это нонсенс. Отсюда вопрос: откуда взять уверенность в правильном интерпретировании моих слов, особенно, учитывая вашу репутацию человека, умело выискивающего двойное дно.

– Мы с вами мало знакомы, но не кажется ли мне, что эта речь – попытка добраться до моей совести? Если это так, то не стоит, – Ильзе не впервой подобное, в такие моменты она обычно проявляла недюжинную упрямость вкупе с некоторым нарциссизмом.

– Юная Этвуд, если бы я хотела пробудить вашу совесть, пробиваясь через ваш горячий нрав, являющийся лишь защитным механизмом, то, пусть и деликатно, но я все же подняла бы тему ваших родителей, чья участь в той же мере трагична, в какой оправдывает ваше видение попытки везде отыскать корысть и тьму.

Елизавета внимательно наблюдала за Ильзой, пытающейся найти хлесткий ответ.

– За неимением фактов и, уж тем более, мнения, я могу уйти прямо сейчас, легко оставив написание текста статьи моему богатому воображению, которое будет отталкиваться именно от упомянутых вами событий, связанных с моими родителями. Я давно не ребенок, Елизавета, не стоит думать, хоть вам и очень хочется, словно я не знаю своих проблем. Мы можем довольно долго обсуждать сейчас, откуда растут корни, но я уверена, у вас много работы, а я – небольшой любитель эмоциональных откровений. Вы еще можете повлиять на то, что и

как я буду писать. Не упустите шанс, иначе, мне ничего не останется, как заполнить пробелы собственными домыслами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.